

ЛЮБОВЬ КАБАРДИНСКАЯ

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

Любовь Кабардинская
Вера, Надежда, Любовь

«СУПЕР Издательство»

2019

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6

Кабардинская Л.

Вера, Надежда, Любовь / Л. Кабардинская — «СУПЕР
Издательство», 2019

ISBN 978-5-9965-0324-7

Являясь автором книги «Вера, Надежда, Любовь», хочу представить своим читателям средство познания себя и мира вокруг Вас. В моих рассказах, повести и романах Вы узнаете о жизни простых и не простых людей, живших на территории дореволюционной России, СССР и современной России. Роман «Айгуль – Акулина» захватывает события дореволюционной России и период Великой Отечественной войны отдельной семьи ее граждан. Купец в караван сарае обменивает девочку на пару рысаков. Как сложилась её судьба? – Судьба моей бабушки. Повесть «Дежавю» описывает события смелого и удачливого кадрового офицера вооруженных сил страны начиная с учебы, затем боевых действий Афганской войны и современной жизни социума. Роман «Вера, Надежда, Любовь» повествует жизнеописания отдельной героини и ее семьи, в которой не все просто, как это часто и бывает в нашей стране.

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9965-0324-7

© Кабардинская Л., 2019
© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Айгуль – Акулина	5
Часть 1. Хасанбек	5
Часть 2. Купец	7
Часть 3. Сделка	9
Часть 4. Возвращение	12
Часть 5. Измена	15
Часть 6. Революция	17
Часть 7. Война	19
Вера, Надежда, Любовь	23
Часть 1. Школьный вальс	23
Часть 2. Спасение	26
Часть 3. Служба	29
Часть 4. Отдых	33
Часть 5. Гражданка	37
Часть 6. Сибирь	40
Часть 7. Работа	45
Часть 8. Любовь	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Любовь Кабардинская

Вера, Надежда, Любовь

Сборник

Айгуль – Акулина

Часть 1. Хасанбек

Белое раскаленное солнце освещало часть дорогого ковра, покрывавшего достархан, нагрело две пиалы, перевернутые донцем кверху, и не давало остыть пузатому, с нехитрым национальным рисунком, чайнику. В тени от лоз виноградника, поджав под себя ноги, сидел Хасанбек. Третья пиала, наполненная чаем, застыла в его руке, он думал. Дела его сложились в 1895, текущем году, очень скверно. Хан обобрал его податями, на караваны, идущие в Бухару, нападали турки, грабя и убивая путников. Вот уже два месяца в его караван сарай никто не заходил, не оставался на день и не просился на ночлег. Если и дальше так пойдут дела, то недолго и разориться. Самое время прибегнуть к козырю, чтобы хоть слегка выровнять положение, а там – да поможет Аллах! Бек вспомнил про Айгуль, это и был его козырь. Как сейчас он снова видел тот день, когда она попала к нему.

Когда в доме напротив истошно вопили плакальщицы и молчаливые мужчины выносили на носилках за ворота тело покойницы, завернутое в саван, он, бросая горсть монет во двор, увидел девочку, стоящую на коленях. Была она необыкновенно хороша. Огромные, влажные от слез, черные глаза ее встретились с его взглядом. «Хороша» – еще раз подумал Хасан. Он подошел к женщине, родственнице покойной, которая стояла в сторонке и только слегка всхлипывала, утирая платком глаза, и спросил ее: «Кто покойница, кто ее муж и дети?». Женщина оказалась сестрой умершей и рассказала беку, что муж работал у него по найму и тоже умер зимой от болезни. Бек даже вспомнил его. Остались два старших сына и дочь Айгуль. Сыновей она решила забрать себе, они уже помощники, а как быть с девочкой не знает, лишний рот, у нее еще трое своих детей. Хасанбек очень обрадовался, что все сложилось именно так, он пригнулся к уху женщины и зашептал:

– Отдай девчонку мне, я хорошо заплачу за нее, дам баранов и зерна. Она будет жить в моем доме прислугой, и я не обижу ее».

Женщина заглянула в глаза бека, они светились азартом, горели жадностью, но жестокости в них не было. Вся наружность бека располагала к нему, он даже казался добрым, выглядел истинным мусульманином, набожным и покорным Аллаху. Женщина подумала, этот человек не должен обидеть девочку в девять лет, по крайней мере, даст ей вырасти в сытости и тепле. Бек торговец и не сгубит свой товар. Но что будет потом с Айгуль? Рано или поздно, но это случается со всеми девушками. Айгуль сирота и ей придется торговать собой, заключая браки на неделю со многими мужчинами. Будет лучше, если она достанется одному, и он накормит и украсит ее. Так подумала пожилая женщина и согласилась продать девочку. Так Айгуль попала в дом Хасана.

Сегодня, через пять лет, он вспомнил о ней. Недопитый чай бек выплеснул из пиалы и повернул голову в угол двора, где одна женщина пекла черек в тамдыре, а вторая, молоденькая и озорная, прикрывая рот ладошкой, смеялась и складывала готовые лепешки в таз, и крикнул: – Фатима!

Женщина постарше повернулась, стряхнула руки от пепла, вытерла их о подол платья и подошла к Хасану.

– Где Айгуль? – спросил ее бек.

– В моем ауле, уважаемый, старик Нуры следит за ней, она помогает ему ухаживать за лошадьми.

– Иди и позови ко мне Ораза.

Женщина зашла в дом. Оттуда вышел коренастый, плотный мужчина, еще совсем не старый, но и не молодой, заросший до самых глаз волосами. Это был наемный работник, помощник Хасана в постоялом дворе. Он подсел к беку и вопросительно глянул на него.

– Сейчас поедешь в аул, к Нуры, а завтра утром привезешь сюда Айгуль. – Сказал Хасан Оразу. Затем встал и зашел в дом. Вышел нарядно приодетым, бодро прошел через весь двор до коня, привязанного к арче, прижимавшего уши и мотавшего головой при виде хозяина. Хасан выдернул из-за пояса плетень и хлестнул ею возившуюся у тамдыра молодку. Та вскрикнула, отпрыгнула в сторону, глядя на бека. Он же, вскочив на коня, сказал ей:

– Завтра привезу себе еще одну жену, молодую и очень красивую, слышала Гелялек?

Хасанбек отправился к Аннамурату, сластолюбцу, расплывшемуся от жира и покоя, уважаемому хану Бухары. Он знал, что недавно у него умерла молодая жена, и хан наверняка утомился в одиночестве. Но беку не повезло, хан болел, и его не пустили даже во двор. Тогда Хасан отправился на базар, послушать новости.

Ночью, когда Фатима готовила себе постель на женской половине дома, к ней прибежала зареванная Гелялек. Упав на колени перед старшей женой бека, ткнувшись ей в ноги головой, она запричитала:

– Хасан завтра приведет новую жену! Тебя, Фатима, он уважал, и будет уважать всегда, но что будет со мною?

Гелялек была права, несмотря на почти равный возраст бека, и Фатимы, Хасан уважал и даже по-своему любил ее. Это она принесла ему хорошее наследство и удачу. Ее отец, Атахан, владел табуном ахалтекинских скакунов чистой породы, при виде которых, иноверцы охотно развязывали свои кошельки. Имел всего одну дочь, Фатиму. Атахан умер. Хасану вернулся собственный калым за невесту и достался табун ахалтекинских скакунов. Фатима была умна, ласкова и искренне любила бека, как он был молод, красив и горяч. Даже в свои тридцать пять лет она оставалась красавицей, но имела один недостаток – не дарила Хасану детей. Поэтому бек привел в дом вторую жену, миленькую, глупую «козочку», которая чаще плакала, чем думала. Тело молодки нравилось ему, и меньше, чем через год, у него появился наследник – сын Назарбек. Он забрал у этой глупой женщины сына, чтобы она не испортила его, и отправил на воспитание своему отцу. Гелялек быстро забыла о ребенке и даже не вспоминала о нем. Для Хасана было большим удовольствием издеваться над молодой женой, пользуясь ее глупостью. Вот и сегодня днем он нарочно обидел Гелялек, заставив ее ревновать и мучиться неизвестностью. Фатима же относилась ко второй жене бека как к младшей сестре. Она хорошо понимала, зачем Хасан привел ее в дом. Чувствуя снисходительность Фатимы, Гелялек выбалтывала ей буквально все и радости и горести. Вот и сейчас, она обливала слезами подол ее платья, а Фатима, почему-то улыбалась, перебирая атласные одеяла. Потом повернулась к младшей жене бека, погладила ее по голове, заглянула в полные слезы и обиды глаза и успокоила:

– Глупенькая, Хасан шутит. Если бы ему нравилась Айгуль, она два года назад стала бы его женой. Он хочет продать ее, глупышка, и продать повыгоднее. Сегодня он ходил к жирному Аннамурату, а у того умерла жена, поняла?

Успокоенная Гелялек легла спать. Хасан, поздно вернувшийся домой, наоборот не как не мог уснуть, а когда, наконец, стал засыпать, услышал звон бубенцов, человеческий говор, крик верблюдов. Он сладостно зажмурил глаза, решив, что это уже сон, но шум нарастал.

Часть 2. Купец

Владимир Прохорович Повалухин, весь в пару, мокрый от пота, грузно вышел в предбанник. Сел на широкую лавку и замотал головой:

– Хорошо! Ох, и хорошо!

Голос звучал густым басом, а слова предназначались сыну, Сергею, который не смог пережить отца в парной и уже минут пять сидел в предбаннике, остывший, попивая густое ржаное пиво из деревянного ковша. Отец и сын были очень похожи. Оба мускулистые, под два метра ростом, хорошо сложенные мужики. Рыжие, курчавые в мелких колечках волосы спадали с плеч. Борода у отца была длинной с проседью, в форме лопаты, а у сына коротко стриженная, полукругом слегка прикрывая подбородок. Во всем остальном лица их разительно похожи, только темнее да морщинистее кожа у отца, да голубе с озорной искоркой глаза у сына. Владимир души не чаял в Сергее, видя в нем сходство с собою, не только тела, но и характера. Сергей был крут, настырен, все делал с умом, иногда впадая в жестокость, свойственную и отцу. Сейчас они остались одни в этом огромном доме, девять лет прошло, как умерла Машенька, мать Сергея. Владимир почти не вспоминал своей тихой покорной жены. Женщин в подворье хватало. Четыре года назад хотел женить сына, а заодно и сам потешиться с его молодой женой Поленькой, которую сам и высмотрел у друга, купца Еремея. Высокая, стройная, белая, как лебедушка, зеленоглазая с тугой русой косою была дочь у Еремея. И у отца, и у сына одновременно зажгла она огонь любви. Отец решил уступить Полюшку сыну, но в тайне надеялся, что сможет и он задобрить ее сердечко своим богатством, капиталами, которые приносила купцу торговля с Бухарой. Раз в год Владимир снаряжал караван и уходил к «хазарам», как он их называл, привозил с юга много товаров, ковры. Отдохнув немного от поездки, отправлялся по «золотому кольцу» вокруг Москвы, сбывать товар. Имел он и небольшой табун породистых скакунов. Так, что женихом слыл видным и денежным.

Сергей, от любви к Полюшке, сначала «потерял голову», но очень скоро понял, что и отец ее не имеет от той же самой любви. Чтобы проверить свои подозрения, Сергей стал отказываться от женитьбы на Поле. Отец пришел в негодование сначала, но потом заявил сыну, что сам женится на ней. Сергею же велел убраться в деревеньку, где содержался табун лошадей, да хорошенько приглядывать за жеребятами, и вернуться через месяц. Этой же ночью Сергей лаской выманил зеленоглазую красавицу за село в стога душистого сена. Нашептывал ей, что сваты уже приезжали и скоро они обвенчаются. Нет большой беды в том, что она станет его сегодня, ведь истомила и измучила его любовь к ней. Всю ночь ласкал и упивался красотой и молодостью Полюшки Сергей, а рано утром, перед рассветом, когда стала она проситься вернуться домой, порвал он ее платье и острым клинком срезал коротко тугую русую косу. Вскочил на коня, и сотрясая лесную дубраву диким смехом, ускакал. С той поры ни отец, ни сын не видели Полюшки. Старый Еремей спрятал дочь свою среди многочисленных родственников. С Владимиром зря не встречался, а Сергею и вовсе плевал в след, как паршивой собаке. Но Владимир понял сына и простил, понял вопль его гордой души, не пожелавшей разделить любовь свою даже с отцом. Так и жили они одни дальше. Отец собирался в Бухару, в бане паром силы набирал.

– Хорошо! – крикнув еще раз, отец стукнул кулаком в дверь предбанника, а сыну при этом сказал:

– Спустим парок еще разок. Долго я теперь не попарюсь.

В дверь просунулась голова пчельницы Варвары, пожилой, но шустрой женщины, когда-то молодой и милой. Владимир любил ее пятнадцать лет назад, приласкал и выдал замуж за своего пчельника. Но год назад овдовела Варвара, медведь задавил ее мужа. Варвара стала хозяйкой пасеки и экономкой в доме купца.

– Смени травы, Варвара, подай чаю, меду, неси белье.

Варвара вышла, но вскоре опять широко раскрылась дверь, вошла пчельница в одной холщовой рубахе, с охапкой душистых, полевых трав. Дверь за собою, прикрыла аккуратно, смыла кипятком лавку в парной и рассыпала по ней травы, отчего густой и терпкий аромат заполнил баню. Вышла в предбанник, прикрыла дверь и сказала:

– Готово, хозяин, иди, парься, а чаю и меду уже несут, поспело все.

Повернулся на слова ее Владимир:

– Придержись, Варвара, а ты, Сергей, иди уже парься, посинел весь.

Владимир приобнял Варвару, и она быстро через голову, сняла с себя холщовую рубаху.

Наутро во дворе суета: грузятся подводы, челядь бегают, кто с чем. Посреди двора Владимир в дорожном одеянии, командует. Варвара потчует у стола оружейников завтраком сытным, водочкой, просит блюсти добро хозяина. Охрану своего каравана Владимир уже много лет не менял, каждого хорошо знал, каждому достал отличное ружье и турецкий клинок, каждому помогал в беде, не давал разориться и сгинуть. За что оружейники не щадили своей жизни, сопровождая купца в Бухару. К вечеру последняя подвода, поскрипывая, выехала со двора. Сергей перекрестил караван, затворил ворота и поднялся в светлицу, где на столе лежали яства, и стояла водка. Теперь он на два долгих месяца остался за хозяина, а еще надо присматривать за табуном лошадей.

Часть 3. Сделка

Хасанбек открыл ворота, и свет от факела вырвал из темноты редкого, но богатого гостя – купца Владимира. Огромная фигура его, огнем отливающие пышные курчавые волосы, в одну секунду преобразили Хасана. Сложив обе руки ладонками впереди себя, он приветствовал Владимира:

– Солям, Алейкум, Володья!

Купец вложил ладонки Хасана в свои огромные лапищи и широко улыбнулся:

– Будь здоров, Хасан! Могу у тебя остановиться?

– Да, да, – суетливо открывая ворота, отвечал бек.

Глубокой ночью дом Хасанбека пришел в движение: Фатима готовила чай и укрывала яствами достархан, Гелялек, на мужской половине дома, готовила гостям места отдыха, и высокая кипа цветных, ватных одеял, таяла на глазах. Хасан помогал купцу развьючивать верблюдов и стаскивать товар в одно место. Но вот Владимир хлопнул по плечу бека и, слегка пригнувшись к его уху, сказал:

– Пойдем, Хасан, вон туда. Я покажу тебе что-то.

И прежде, чем бек успел понять, что ему сказали, потащил его за собою в угол двора, высоко над головой, подняв горящий факел:

– Смотри, «хазар», – добавил Владимир.

От огня четыре лошади вздрогнули и, слегка приседая на задние ноги, заходили на месте. Лошади были великолепны: белые в серых яблоках, на высоких стройных ногах, гордыми шеями, пышной коротко остриженной гривой. Настоящие Орловские скакуны. Хасан подумал, что он бредит. Подобную лошадь он видел лет десять назад в свите эмира. Залюбовался он тогда на нее и его чуть не раздавили евнухи. И вот он видит эту лошадку так близко, может дотянуться рукой, сам покормить и напоить. В голову бека ударила тугая и сладостная мечта: «Вот бы мне занять таких лошадей». Конечно, ахалтекинцев охотно берут у него иноверцы, но какие бешеные деньги он смог бы выручить за русских орловских рысаков у людей приближенных к дворцу эмира! Невольно вслух Хасан зацокал языком:

– Якши, якши!

После этого эпизода бек забыл обо всем на свете, он думал только об одном – как выманить у Володи хоть пару лошадей. Купец увидев как загорелся бек, пожалел, что поспешил похвастаться перед ним лошадьми, у Хасана не хватит денег заплатить за них, да и вез он их для хана Аннамурада, который, узнав, что он содержит табун племенных орловских рысаков, умолял его продать ему хоть пару и обещал заплатить за них золотом. У достархана, во время ужина, бек осторожно расспрашивал у купца, кому он привез лошадей. И узнав, что хану Аннамураду, обрадовался. У него даже появился план, стоило только подольше занять гостей, а значит попозже уложить их в постель этой ночью.

Бек устроил настоящее веселье, пожертвовав даже заморский кофе, который сам никогда не пил, но берег, как зеницу ока, на всякий случай. Гелялек хорошо танцевала веселые азиатские танцы «живота», чем когда-то и приманила Хасана. Бек заставил ее полураздетой войти в азарт этого танца. При свете ночного костра, Владимир разошелся тоже, выпрыгнув к огню рядом с Гелялек, он пытался вписаться русским танцем в ритмы и дрожь тела азиатки. Описав очередной круг присядками и подскоками вокруг жены бека, он все время упирался глазами в обнаженный живот Гелялек.

Под утро, наконец, все уснули. Сам бек тоже спал, но при слабом шорохе поднимал голову и прислушивался. Как взошло солнце, он встал и велел, явившемуся работнику нарезать и освежевать барана, повару приготовить из барана шашлык и каурму. Сам же в нетерпеливом ожидании заходил по двору. Наконец, послышался скрип арбы и голос Ораза за воротами:

– Эй, кто там, открывайте!

Хасан распахнул ворота и кинулся к арбе, на которой сидела девушка под паранджой. Оперевшись на колесо, бек нетерпеливо скинул паранджу с лица девушки. На него смотрели огромные, испуганные, черные глаза и необыкновенно длинные ресницы, как две мохнатые пчелки, бросали тень на щеки девушки, с маленьким вздернутым носиком и пухлыми малиновыми губками. Хасан помог Айгуль, а это была она, слезть с арбы, и быстро повел ее в дом, позвав по дороге Фатиму с собою. Бек велел своей жене искупать Айгуль, надеть на нее лучшее платье, и добавил Фатиме:

– Если на теле девушки обнаружится шрам или пятно, позови меня. Поторопись.

Этими словами бек закончил наставления и вернулся во двор заметно повеселевшим. «Нет, не устоит урус перед красотой этой девчонки», – решил Хасан.

К обеду Владимир, наконец, проснулся. Он чувствовал себя бодрым и хорошо отдохнувшим. Со двора доносило приятный запах жареного мяса. Купец, обнаженный по пояс, вышел на просторную террасу, увитую виноградом, на втором этаже дома. Солнце уже набрало свою силу и жар. В воздухе стоял зной, листья винограда слегка пожухли и только сочные гроздья ягод горели янтарным цветом. Как нравились ему эти плоды, необыкновенный вкус винограда не похож ни на одну из сибирских ягод. Вот подошла к нему Гелялек, держа кувшин с водой в одной руке, в другой таз. Поставила таз на пол и глазами показала, что желает помочь умыться гостю. Теперь она была одета в глухое платье с длинными рукавами, застегнутое под горлом серебряной бляхой с камешками. На голове повязан белый, украшенный яркими цветами и длинными кистями, платок. Конец платка она держала в зубах, прикрывая часть лица. Владимир даже подумал, что ему приснился ночной танец обнаженного живота, почти обнаженной груди и рассыпанные по плечам косички. Купец умылся. Гелялек подала ему полотенце и ушла. Навстречу Владимиру шагал по террасе разодетый бек. Поприветствовав гостя на ломанном русском языке, Хасан стал расспрашивать купца о доме, близких, желая при этом полного благополучия гостю и его родным. Закончив этот ритуал азиатского гостеприимства, Хасан с хитринкой заглянул в глаза Владимира и сказал:

– Ты удивил меня вчера, гость. Заставил сильно стучать мое сердце и плохо спать всю ночь. Твои кони достойны седла эмира, но в моем доме живет птичка, которая достойна глаз эмира. Не хочешь ли, урус, глянуть на нее?

Владимир улыбнулся, опять вспомнил обнаженный живот азиатки, звенящие монетки на ее лифе и шароварах, и кивнул головой:

– Хочу!

Хасан повел его через галерею комнат и, наконец, открыл последнюю, маленькую и освещенную ярким светом. В комнатке не было никаких предметов, везде ковры и на стенах и на полу, красивые самотканые туркменские ковры. В углу сидела девушка в шелковом платье небесного цвета, на голове ее была одета тубетейка с металлической пикой на макушке и массой маленьких монет по краям. Она даже не поднялась с колен и не повернулась в их сторону. Сидела, закрыв лицо руками. Бек подошел к ней ближе и сказал ей что-то на своем гортанном языке. Девушка опустила руки и медленно поднялась. Взлетели вверх ее пушистые ресницы и огромные печальные глаза глянули на Владимира. Он тоже подошел ближе с ней, взял Айгуль за руку и вывел к окну. Светлая кожа ее лица, пухленькие милые губки, вздернутый носик и заостренный подбородок удивили купца. Он встречал красавиц востока в домах ханов, но, ни одна из них даже не приглянулась ему. Самобытная красота азиаток оставляла его равнодушным., но сейчас он почувствовал волнение. Окинул взглядом фигуру девушки и остановился взглядом на босых, маленьких ножках девушки, настолько аккуратных, что казавшихся игрушечными, с переплетенными между пальчиков браслетами. Хасан по-своему понял взгляд уруса. Он выдернул плетень из-за пояса и опять что-то стал говорить девушке на своем языке. Тогда она, глядя прямо в глаза Владимира, расстегнула брошь на груди платья, бросила ее на

пол и медленно через голову сняла с себя платье. Теперь она стояла по пояс обнаженной, и руки ее теребили, надуманно долго, завязочку от голубых шаровар, оседавших на бедрах и кончавшихся яркой вышивкой чуть выше пяток. Владимир молча, с изумлением глядел на красивые, уже сформировавшиеся формы девушки: покатые плечи, яблоковидные груди, тонкую талию, маленькие ручки с длинными пальчиками, тоже переплетенные браслетами, довольно светлая кожа. Завязочка не давалась девушке, и она по-прежнему теребила ее, опустив голову. Хасан подошел к Айгуль и двумя руками резко порвал шелковый шнурок. Шаровары соскользнули вниз, и девушка предстала перед ними совершенно нагая. Круглые колени ее и красивые по форме икры довершили приятное ощущение красоты. До Владимира донеслись слова бека:

– Якши птичка, а смотри, какой спина, –

С этими словами он повернул девушку к ним спиной и провел рукой по ямочке между лопаток до талии, и продолжил говорить:

– Смотри, какой. не знаю как на ваш язык?

И он погладил ягодицы, отчего Айгуль вздрогнула и поежилась, а Хасан продолжал:

– Смотри. . . .

Он не закончил. Владимир оттолкнул его от девушки; изменившись в лице, он подошел вплотную лицом к лицу к Айгуль, пальцами приподнял ее подбородок, жадно припал к губам. Руки сами обхватили хрупкую фигуру, и никто уже не мог остановить его желания. В нем проснулся мужчина, тем более, что жертва доступна, покорна, а ее хозяин мечтает об этом. Временами он чувствовал, как девушка бьется под ним, вскрикивает, пытается вырваться, но эта борьба и стон только придавали ему свежие силы, и наплывала волна неистовства. Наконец, он устал, пот покрыл его лицо и тело. Поднялся. Девушка лежала на ковре без движения, запрокинув голову, раскинув руки с упавшими на ковер браслетами, глаза смотрели на купца удивленно и испуганно, распухшие от его укусов губы, приоткрыты. Волна жалости захлестнула Владимира, но он отвернулся и вышел за дверь. Там стоял Хасан и улыбался. Купец подошел к нему, хлопнул по плечу и сказал:

– Твоя взяла, Хасан, она стоит пары моих лошадей. Забирай, рысаки твои.

На что бек ответил:

– Якши, Володя! Ее зовут Айгуль, она сирота, никто не ищет ее, она твоя, но. . .

– Что, Хасан?

– Наш обычай, Коран запрещает девушкам нашего народа жить с иноверцами.

– Хорошо, Хасан, как только доберусь до Кустоная, Айгуль больше не будет!

– Ты убьешь ее, урус?!

– Нет. Умрет имя, Айгуль, а появится другое, христианское. Она поменяет веру, бек, а какое имя перейдет на ум кустанайскому попу, мне не ведомо.

И Владимир весело засмеялся, а бек добавил:

– Пойдем есть, Володя, все уже ел, пока ты занимался с моя птичка.

Часть 4. Возвращение

Больше месяца задержался Владимир в Бухаре. Продал один товар, закупил другой и, наконец, собрался в обратный путь. Поездка обещала хорошую прибыль и небывалый успех. За коней и меха он получил золото, не имея при этом никакой конкуренции, всех купцов распугали набегии турков на караваны. Он же прошел весь путь спокойно, без всяких помех. Еще вернуться бы обратно целым и невредимым, довести товар, и тогда в церквушке на краю села Владимир поставит свечи и рассчитается золотом с попом.

На рассвете южного, теплого осеннего дня, зазвенели бубенцы на шеях верблюдов, и караван поплыл в обратный путь. Хасанбек проводил гостя и долго стоял на террасе, пока не скрылся из вида последний верблюд. Затем он улыбнулся, вспоминая, как частенько, пока не было дома купца, заходил он в комнатку Айгуль и с наслаждением владел ею, отдавая дань своим многолетним трудам и заботам о ней. От мысли, что ее больше нет, Беку взгрустнулось, и он подумал: «Сегодня же прогуляюсь по городу, может, найдется еще одна сирота, достойная глаз эмира».

Мерно плыл караван по пустыне, день тянулся как вечность, утомляя путников. Вечером, когда густая ночь обволакивала караван, все останавливались на ночлег. Кругом укладывались верблюды, освобожденные от выюков, в центре появлялось несколько шатров. Самый большой – Владимира. Он сам снимал утомленную Айгуль с верблюда и на руках уносил в свой шатер. Ночи стали заметно прохладнее, и купец подарил наложнице теплую, пуховую шаль в блестящих звездах, мягкую и настолько большую, что если накинуть ее на плечи, то концы шали касались пола. Айгуль обрадовалась подарку, глаза ее глядели на Владимира живо с благодарностью. Никто раньше не был с нею так ласков и внимателен. Купец постоянно разговаривал с ней о чем-то, но она не понимала языка этого огромного рыжего и добродушного человека, ее мужа. Каждый вечер, посадив ее на колени, он гладил ее головку, нежно целовал глаза и тонкую шею, аккуратно и очень медленно раздевал, затем на руках нес в свою постель. С каждым днем страх Айгуль перед Владимиром уходил, уступая место уважению и любопытству.

Через пять недель пути, уже на телегах, купеческий обоз прибыл в Кустанай. За долгое время пути, Айгуль понимала уже многие русские слова и пыталась произносить их правильно, по настоянию Владимира. Иногда, услышав очередное слово из ее уст, он смеялся до слез, запрокидывая голову. А однажды привел Айгуль в просторный дворец с разрисованными высокими потолками, где каждая дверь сверкала золотом и искусной резьбой, а стены были завешаны разрисованными портретами, как говорил Владимир, ликами святых, в золоченых подставках горело множество свечей. Разодетый в парчу, большой и бородатый «урус» заставил ее раздеться, окурив дымом из металлического предмета на цепочке, затем залезть в золоченую купель, обливал водой из серебряного ковша, постоянно к ее голове прикладывал большой серебряный крест, странно махал на нее руками и называл Акулиною, и в конце, концов она трижды поцеловала крест, после чего поп повесил ей на шею маленький золотой крестик. С той поры Владимир называл ее почему-то только Акулиною и сильно рассердился, когда она, показав на себя пальцем, сказала:

– Я, Айгуль!

– Нет, ты, Акулина! Запомни это, – ответил купец.

Этой ночью он словно сердился на нее, расплел все ее восемь косичек, сам расчесал волосы, собрал в охапку ее платье, шаровары, тюбетейку, бросил к ногам Айгуль – Акулины белую, длинную до пят рубашку с рукавами и завязочками у горловины, ушел. Вскоре вернулся, неся вперекладку на руке, непонятные ей вещи и сам стал одевать ее. Одел, затем разделил густые, иссиня – черные волосы Акулины на две части, но дальше у него ничего не полу-

чалось. Он долго и усердно сопел ей на ухо, потом, видимо осерчав, намотал на руку волосы и дернул их. Акулина вскрикнула и подалась головой за его рукой. Отпустил волосы, подхватил девушку на руки и понес в постель.

Вскоре прибыл Владимир домой. День он посвятил разбору товара, другой помолился в церквушке, выполнив задуманное, а на третий день ждал гостей – купцов со всей округи. С утра третьего дня начали съезжаться купцы, и готовилось достойное веселье. Весь день челядь металась по дому, все, готовя для пиршества, и к обеду купеческая знать постепенно заполнила горницу. Сергей, все еще пораженный странным живым товаром, привезенным отцом из Бухары, караулил дверь комнатки, в которую поселили Акулину с приставленной к ней Варварой. А когда румяная, разодетая Варвара вышла оттуда и поспешила вниз в горницу, где собирались гости, Сергей открыл дверь и вошел в комнату Акулины. Девушка стояла у окна, и большие, черные глаза ее смотрели на сына купца вопросительно. Сергей подошел вплотную к Акулине и, взяв руками за плечи, стал прижимать ее к себе. Акулина уперлась ладошками в грудь Сергея, пытаясь оттолкнуть его, при этом позванивали браслетики на ее руках и между пальчиками. Сергей же продолжал свое занятие, не обращая никакого внимания на попытки девушки освободиться. В это время за спиной Сергея раздался густой бас отца:

– Полапал, и будет.

Сергей обернулся, а Акулина шарахнулась в сторону от него. Сын обратился к отцу:

– Отец, это вещь, ты купил ее, она принадлежит и мне?

– Ишь, ты, как он заговорил. Ты ошибаешься, сынок, «это» принадлежит только мне! И если я еще раз увижу тебя здесь, пеняй на себя. Хватит с тебя Полюшки. И вообще тебе пора жениться и на этот раз я не буду мешать тебе. – сказал Владимир добродушно поглядывая на сына. Сергей ухмыльнулся и ответил:

– Теперь, ты боишься, что я помешаю...

Он не договорил, сильный удар в плечо прервал его слова. Он качнулся, сердито глянул на отца, и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Варвара, за время отсутствия отца, привыкшая к Сергею, увидев его одного, ласково обняла, но он оттолкнул ее, обозвал обидным словом прошел в горницу и уселся за стол. Вскоре появился и отец с Акулиной, одетой в ее родной национальный наряд, позванивающий монетками при каждом движении. Увидев множество мужчин и женщин, сидящих рядом, девушка сильно смутилась, щеки ее заиграли румянцем, а в глазах запрыгали искорки. Владимир провел ее к столу, усадил рядом с собою, и велел смотреть на гостей приветливо, не опуская взгляд. За столом все притихли и вызывающе смотрели на купца. Он же для величия, растянул на минуту молчание, приподнял кубок над столом и заговорил:

– Приветствую, моих друзей и гостей. Я собрал вас, чтобы отметить мое благополучное возвращение из Бухары. Даст Бог, поездка будет удачной. А вот эту девочку я обменял на пару лошадей в одном караван-сарае. Ее хозяин уверял меня, что взгляд эмира достоин ее. Давайте выпьем, и потом вы скажете мне, обманул ли меня «хозар».

В ответ за столом поднялся дружный гвалт, из которого можно было понять, что дикие азиаты остались дикими, страшными невежами и что девочка почти ребенок, но действительно очень хороша собою. Наконец поднялся Прохор, сидящий рядом с насупившимся Еремеем:

– Тебе досталась восточная жемчужина, Владимир, Она хороша, мила и настолько юна, что...

Прохор многозначительно крикнул. В ответ раскатистый хохот Владимира, потряс застолье. Продолжая посмеиваться, купец сказал:

– Ты не веришь, что я и сам помолодел? Посмотри! – с этими словами Владимир схватил Акулину с лавки и поднял ее над своей головой. Отчего платье ее задралось и стали видны вышитые шаровары, торчащие босые ножки с нанизанными на пальчики и связанными между

собой, браслетами. Она не испугалась, а придерживая рукой, звенящую тибетейку, весело смеялась. Купец посадил Айгуль на одно плечо и продолжал говорить:

– Всякому, кто отважится поехать со мною в следующий раз, я обещаю, такую же жемчужину.

Застолье продолжалось до поздней ночи. Довольные гости постепенно разъезжались по домам.

Через недельку засобирался Владимир с купчишками по «Золотому кольцу», распродать шелка и пряности. Варваре велел строго блюсти Акулину, да за Сергеем присматривать, чтоб не начудил чего, хозяйство беречь. Попарился в баньке день и уехал.

Часть 5. Измена

Зная крутой нрав отца, запомнил Сергей, что обходить ему стороной следует Акулину. Но, как, же сделать это, если покорили черные глаза азиатки сердце. Не было красавицы в округе, которая не мечтала бы о Сергее и не искала бы встреч с ним. Акулина же все наоборот, избегала и пряталась от него, чем наносила урон его гордыне. И чем больше он сердился на нее, тем желаннее представлялась ему встреча с ней. Сама Акулина тоже замечала, что тянет ее к Сергею и при виде его поднимается в душе теплая и нежная волна необъяснимой радости. Однажды, глядя в окно из своей комнатки, увидела она Сергея верхом на красавце коне: золотые кудрявые волосы, широкие плечи, узкая талия, гордый и решительный взгляд. Тайком рассматривая Сергея, невольно сравнивала его с Владимиром и думала: «Почему не он приехал за мною к Хасану, такой красивый и молодой? Ведь я так молода. Почему принадлежу старому, уставшему от жизни мужчине? Всколыхнули его чувства, приободрили, а надолго ли?» С детства ее приучали покоряться судьбе и воспринимать все таким, как есть, что Акулина и делала.

Шло время. Прошло два месяца, а Владимир все не возвращался. С помощью Варвары, сметливая Акулина, очень неплохо изучила русскую речь. Прошло три месяца и вот, наконец, в предновогоднюю морозную ночь, зазвенели у дома долгожданные бубенцы. В доме началась беготня, Сергей, наспех одевшись, выбежал встречать отца, а наткнулся на сердитого Еремея:

– Шибко болен, отец-то, идем, подсобишь, сказал он ему.

В санях, накрытый шубами, да так, что от всего Владимира на морозе торчала одна борода, лежал купец. Сергей с Еремеем затащили его в спальню, уложили в постель. Владимир бредил и был без сознания. Варвара заметалась по кухне, кладовым, даже слезила на чердак, собирая нужные травы и настойки в комнату, где лежал Владимир. Охая и ахая, Варвара отогнала всех от кровати больного, и занялась врачеванием. Две недели не отходили Варвара и Акулина от больного купца, растирали, кормили, поили его, как маленького ребенка, из ложечки, и пошел Владимир на поправку. Прошла зима, незаметно и весна затикала капелью. Совсем оправился от болезни Владимир. Между тем, молчание и недомолвки между Сергеем и Акулиной, разжигали чувства обоих. Все желаннее и дороже становились они друг другу, подгоняла их страсти и весна. Однажды, теплым, весенним вечером, попивая густую медовуху, заговорили по-мужски отец и сын:

– Отделиться мне нужно от тебя, отец. Признаюсь честно, берedit мне душу твоя турчанка. Срубить бы хату с другого края села, где церквушка, буду купола видеть, не посмею зла сотворить. Дай денег в оборот, займусь, как ты, купеческим делом. Мне уже тридцать лет, пора и самому крепко на ногах стоять, да делом заниматься, – говорил Сергей.

– Ну что же, хорошо надумал, сын. А я и не против, пора делом заняться. Время к «хозарам» отправляться, слаб я еще совсем, поедешь ты. Вот тебе и купеческое дело. Привезешь товар, сбудешь его, вот тебе и деньги. С домом погодим, не ровен час помру, вот тебе и дом. – отвечал купец. На том и порешили.

Настал день, когда Владимир перекрестил обоз, уползавший на восток. После болезни Владимир охладел к Акулине, на нее все больше и больше приходилось хлопот по дому. Дошло до того, что ее обязанностью стало кормление телят. Сегодня она управлялась во дворе с особым желанием. Посматривая на глупых телят, Акулина пела песенку про маленького, лупоглазого верблюжонка, чистила клетки и гладила малышей. Еще неделю назад, проводив Сергея, и сам купец уехал присматривать за табуном. За время его отсутствия, Акулина чувствовала себя хозяйкой в доме, ей было спокойно и хорошо. Управившись по хозяйству во дворе, девушка направилась к дому с мыслями о том, что надо покормить работников, рубивших сруб нового хлева. Но, вдруг, она услышала свое имя, произнесенное шепотом. Она остановилась и осмотрелась вокруг. Из-за стога сена выглядывал Сергей и звал ее:

– Ну, подойди же, Акулина, у меня беда, горе... подойди ко мне.

Удивленная девушка бросилась к нему. Взволнованная она подошла к нему, хотела спросить, что же случилось, но он так нежно, так ласково обнял ее, что Акулина вообще забыла обо всем на свете. Вот, он, Сергей, он рядом, он любит! И Сергей забыл о всех своих бедах и проблемах, как только губы его коснулись пухлых, полудетских губ азиатки. Любовь вырвалась на свободу, и Сергей и Акулина наслаждались ею в полной мере. Ласкаясь, они не могли оторваться друг от друга, перекатываясь по стогу сена с места на место, пока во дворе не раздался голос Варвары:

– Акулина! Да где же ты? Акулина!

На сене разом притихли и затаили дыхание. Еще несколько раз, позвав Акулину, Варвара хлопнула дверью и ушла в дом. Утолив голод любви, Сергей заговорил:

– Отца нет дома, это очень хорошо, я навсегда покидаю этот дом, ты пойдешь со мною, Акулина? Мы построим свой дом, откроем магазин. Мне тридцать лет и я хочу быть независим, ты поедешь со мною, любовь моя? На все вопросы она отвечала ему:

– Да...Да...Да!

– Иди в дом, собери вещи, возьми самое необходимое, жду тебя на краю села у церкви, в полночь. Жду, Акулина.

На следующий день, рано утром, Варвара, как обычно, заглянула в комнату Акулины, чтобы разбудить ее, но там никого не было. Экономка накинула на плечи шаль, выскочила во двор, покричала Акулину, но так и не нашла девушки нигде. К обеду приехал Владимир с Еремеем. Он был очень зол. Не отвечая на приветствие Варвары, слезая с коня, взбешенный купец закричал:

– Где, этот, поганец?!

– Какой? – удивилась экономка.

– Сергей!

– Сергей? – на лице Варвары появилось крайнее удивление. Тем временем Владимир, оттолкнув экономку, стремительно забежал в дом. Хлопая дверями, и собирая всю известную ему брань в одно место, Владимир обошел весь дом. Остановился только в своем кабинете перед открытым сейфом, который был пуст. Схватившись за голову, купец сел на стул.

Владимир, закрывшись в своем кабинете, сидел там до глубокой ночи. Варвара бродила по опустевшему дому, изредка останавливаясь перед закрытой комнатой. Потихоньку толкнув дверь, и убедившись, что она заперта, вновь начинала ходить по дому. От Еремея Владимир узнал, что сын его с обозом добрался только до Кустаная, где в игорном доме проиграл весь его товар, все до последней телеги и бочонка меда. Он собирался избить сына, да так, чтобы он запомнил это на все времена, но он забыл, что сын его вырос и способен защитить себя. И уж совсем не ожидал, что Сергей сможет обокрасть его, отца, и сбежать. Хотя он совсем охладел к Акулине, но и ее измена добавила горечи и бередила душу. Сначала он хотел немедленно начать поиск беглецов, и был почти уверен, что найдет их, но подумав еще, от этой мысли отказался – в гневе он мог и убить своего сына. А ведь это его сын, один единственный, все, что останется на этой грешной земле после него. В сейфе не все деньги и ценности, Владимир был предусмотрителен, во дворе под заветной березкой еще более половины. Щемило сердце, угнетала пустота, но причиной тому не деньги – нет, он понял это, причина – одиночество. За что? Почему? Обида подступала к горлу и переполняла его.

Часть 6. Революция

Прошло двенадцать лет, наступил 1917 год. Сергей и Акулина обосновались в Троицке, недалеко от Москвы. Пущенный Сергеем в оборот отцов капитал приносил доходы. Была возможность безбедно жить, содержать большой дом, двор, магазин, троих холопов и экономку. Акулина превратилась в статную, красивую женщину. Родила мужу троих сыновей: Владимира, Архипа и Ивана, правда пять лет назад дизентерия унесла из жизни их первенца Владимира, которого Сергей упорно не признавал за своего сына. Остались смысленный не по годам Архипушка и лупоглазый озорник Иван. Акулина всегда была спокойна и добра, она щедро подавала нищим, тайком от мужа подкармливала сирот. Сергей же наоборот, стал более жесток и упрям. Особенно в последнее время, когда крестьяне и холопы стали дерзкими. Более всех он ненавидел Осипа, вернувшегося с войны по ранению, его рука была прострелена в кисти, пальцы не работали, безвольные и скрюченные. Баламутил Осип крестьян, грозился, что скоро наступит день и землю у помещиков отберут, а раздадут батракам, кои на ней и работают. Да думал Сергей, что же эта голытьба и пьяницы с землицей-то делать будут, она ведь родимая, труда и ухода требует. Называл себя Осип «народником» и обещал мануфактуру у Сергея забрать тоже и раздать нуждающимся. Мечтал торговец встретить «народника» наедине в укромном местечке и вправить ему мозги на место. Но Осип один как-то и не ходил, всегда вокруг него толкались односельчане. Рассказывал он им байки о Ленине, скорой революции, но более всего бесила Сергея мысль, что все это может стать правдой.

Местная богатая помещица, Натали Вальдемаровна, немка по происхождению, любившая порядок и повиновение во всем, в то же время жестокая и циничная женщина, поровнявшая своих работников за любую провинность, часто принимала Сергея у себя. Была к нему ласкова и добродушна. Круг ее друзей был близок по духу купцу – все зажиточные люди, трудолюбивые, грубые своей простотой, не усложнявшие свою жизнь всевозможными учениями и волнениями, модными течениями: либерализмом, демократией, социализмом. Просто живущие для себя люди, и все тут. Из всех друзей своих выделяла Натали Сергея, несмотря на то, что он и не был особо богат. Безумно нравился он ей – красивый, мужественный, крепкий духом. Давно заманивала она его в сети свои, но торговец оставался, к ней холоден. Отвечал на ласку лаской, а первым в объятия не спешил. Страшная весть собрала их сегодня, всех собственников, за столом у Натали – свершилась революция! Что делать, как быть? Собрать ополчение или ждать, что новая власть предъявит им? Долго совещались богатенькие, но так ничего и не решив, разошлись. Предчувствовала большие перемены и Акулина. Потихоньку, тайком от мужа, в углу двора ночью зарыла она украшения свои, а потом стоя на коленях, перед образами святых, преклонила голову свою и просила милости и прощения грехов своих и мужа, защиты от бед у Бога. Время шло. Революция победила окончательно. И вот настал день, когда крестьяне и бывшие холопы стали громить помещиков и купчишек, требуя свою долю. Председателем «Советов» на сходе избрали Осипа, он и верховодил. Сергей с вечера, по настоянию Натали, остался у нее ночевать, сказав Акулине, что подался в Чехов.

Созданные Советы, решили начать раскулачивание с помещицы Вальдемаровны. На расвете, пели еще сонные петухи, а Осип с семьей крестьянами подходил к поместью помещицы со стороны леса. Сергей проснулся в объятиях Натали. Она еще спала. Он потихоньку освободился, приподнялся в кровати и стал рассматривать спящую женщину: полные красные в веснушках руки, из большого выреза ночной сорочки, вытекает белая, большая и рыхлая грудь, двойной подбородок, широкое, тоже усыпанное веснушками, лицо. Сергей, который раз, с брезгливостью подумал о том, что женщина совершенно не нравится ему, и зачем он только ходит сюда? Хотя сам тут же и дал ответ – кто как не она даст денег в долг и без процентов. Тихо встал и оделся, открыл окно и выпрыгнул через него во двор. Направляясь в сторону

леса, вдруг услышал лай собак. «Странно» – подумал Сергей, но в это время раздался стук в ворота и крики. Торговец быстро развернулся и, сбивая дворецкого, забежал обратно в дом. Встревоженная Натали, в накинутах на рубаху шали, шла ему навстречу. Сергей ей сказал:

– Я побуду в доме, не хочу, чтобы меня видели здесь в такую рань.

Сергей сел поудобнее у окна и стал наблюдать, приоткрыв занавеску, за происходящим. Во двор советчики загнали три телеги, запряженные лошадьми. Выносили из амбара мешки с зерном и складывали их в телеги. Натали бегала от одного советчика к другому и, путая, от волнения, русские и немецкие слова, ругала и толкала их. Когда же со двора погнали скот, помещица схватила вилы и метнулась к Осипу. Сергей не мог больше сидеть наблюдателем у окна, он выскочил во двор. Натали, сбитая с ног, валялась в пыли, Осип черенком вил бил ее наотмашь. Всю накипевшую ненависть к этому человеку вложил в удар кулака Сергей. Он свалил Осипа на землю и бил его, бил сапогами так, что болели пальцы ног. Советчики налетели со всех сторон на торговца, но он продолжал бить, корчившегося на земле Осипа. Когда же, его, наконец, оттащили от Осипа, скрутили руки и потащили к телеге, Сергей собрал последние силы, рывком стряхнул с себя советчиков и, перепрыгнув через забор, побежал в лес. С разбитой губой, невидящим и заплывшим глазом и малиновым кровоподтеком у брови, Сергей забежал домой. Акулина с младшим Иваном еще сладко спали, вместе, ласково обнявшись. Сергей затеребил жену:

– Акулина! Быстро просыпайся, собери вещи, самое нужное и ценное! Я беру деньги. Уходим! ... Не задерживайся, быстрее.

Так поздней осенью 1917 года бежали из Троицка Сергей и Акулина с детьми. Гнедая кобыла с жеребенком, корова с теленком, пуховая шаль в больших серебряных звездах до пят, покрывавшая Акулину, узелок в руках – вот все, что осталось от их богатства. Акулина с детьми провела ночь в лесу, дожидаясь Сергея, который вернулся к своему дому за золотыми украшениями, припрятанными женой во дворе. Утром он вернулся молчаливый и злой. Протянул Акулине ее драгоценности и тихо сказал:

– Наш дом сожгли, Куля, лавку разграбили. Возврата нет, Осипа увезли в больницу, это я так избил его. Как дальше будем жить, Куля? Боже, ... да ты тяжелая?!

– Да, Сергей, – ответила Акулина.

На шестьдесят километров продвинувшись ближе к Москве, подальше от Троицка, в селе Мещерское поселились Повалюхины. Купили небольшой домик, в стороне от деревни, сказались местным властям, как погорельцы и зажили тихо, стараясь не привлекать к себе внимания. Сергей поостыл в своей непримиримости к советской власти. Обновил дом, срубил сарай, баню, городил огороды, заготавливал сено скотине на зиму. Поврежденный в драке глаз почти ничего не видел, но и это оказалось к лучшему, его освободили от воинской обязанности. Советчики несколько раз наведывались к удаленному от села домику у реки, уточняли все кто они и откуда. В конце – концов, их оставили в покое. Ранней весной, в морозный день, еле выбравшись из занесенного снегом дома, Сергей побежал в деревню за повитухой. Акулина разрешилась сыном Прохором.

Часть 7. Война

Прошло еще двадцать лет, шел 1939 год. В семье Повалюхиных насчитывалось семеро детей, Старший сын Архип, высокий, чернявый, лицом сильно похожий на мать, работал в Москве на секретном заводе. Заочно окончил институт, стал инженером, коммунистом и активистом. Год назад его назначили начальником подмосковного филиала завода. Когда он приезжал домой, что случалось не часто, то привозил с собою многочисленные подарки своим братьям Ивану, Прохору, Леониду и самому младшему – Яшке, сестрам тоже старался угодить и привозил им бантики, заколочки, юбочки, сандалики и другие девичьи принадлежности. Дочерей у Акулины с Сергеем было двое: Пелагея и Сашенька. С открытой душой, лаской и пониманием относился он к каждому из братьев и сестер, зная их характеры и заботы. Белокурая, голубоглазая Пана уже в шестнадцать лет считалась первой красавицей всей округи, любила принарядиться и покрасоваться. Кавалеры хаживали за нею, предугадывая любое ее желание. Вторая дочь черненькая, очень настырная, отчаянной смелости Сашенька, пятнадцати лет, все больше сидела дома, любила читать книги, тянулась к знаниям. Прохор служил в армии. Иван, первый забияка и драчун во всей округе, был вспыльчив и походил характером, да и статью, на Сергея. Работал в местном совхозе трактористом, и учиться не хотел. Леонид, тринадцатилетний подросток рос болезненным и слабым, все члены семьи заботились о нем, а Архип обещал матери, что заберет его в Москву, для обследования у врачей, этим же летом на время каникул в школе. Яша, самый младший, одиннадцатилетний сорванец, был любимцем всей семьи, мечтал стать летчиком. Поэтому его любимым занятием было сидеть на крыше и гонять голубей. Он сам построил голубятню, на содранное с лип лыко, тербил мочалки, продавал их на перроне железнодорожной станции московской электрички, и покупал себе породистых голубей. Архип, зная о пристрастии Яшки к небу, чаще всего привозил ему в подарок из Москвы таких красивых голубей с перышками на лапках и веерным хвостом, каких больше не у кого в деревне не было.

Вот и сегодня, приближаясь к станции Львовская, Архип вспоминал всех и всем вез подарки, а еще он продумывал разговор с отцом и матерью, когда скажет им о своем новом назначении – ведущим инженером военного, секретного завода по изготовлению нового оружия. Он ехал счастливый и веселый не только потому, что получил новое назначение, а еще и потому, что приглянулась ему, недавно принятая им в комсомол, девушка, черноглазая, миленькая Юлия, ответившая на его внимание лаской и согласием стать его женою. Но дом встретил его печалью и бедой – при исполнении служебных обязанностей, на границе с Польшей, во время немецкой провокации, так донесли до родителей это событие, погиб Прохор. На столе лежал небольшой листок, и он означал, что их брат навсегда исчез из их жизни, из этого дома, осталась только память. Страшный смысл «похоронки» наполнил скорбью и тишиною их дом, даже неугомонный Яшка был печален и тих. Акулина как-то сразу постарела и осунулась, слезы блестели в ее глазах, твердила только одно: «Почему не дали проститься? А может это не он? Он жив, наверно жив». У Сергея щемило болью сердце, ранила несправедливость – почему мой сын, почему именно он? Такой молодой, кучерявый, крепкий, сильный и умный, почему? Сколько надежд рушилось, какую скорбью наполнялась душа. Почему-то вспомнил своего отца. Вспомнил, как жестоко обидел его, но любил, и, обижая, любил, и сейчас любит. Сергей уже давно смирился и привык к Советской власти. Ему очень нравился и лидер, Сталин, преклонялся перед его силой и властью. Этот человек импонировал ему своей хозяйственностью, он крепко держал в руках чиновников и больно бил по казнокрадам и мздоимцам. В стране был порядок, не было преступности и всевозможных разгульных демократических идей. Сергей считал, что именно так и надо управлять огромной территорией, каким был Союз Советских Социалистических Республик. Последние два года люди боялись «чер-

ных воронов» Сталина, увозящих людей по ночам неизвестно куда, но Сергей считал, что и тут вождь прав – власть, непоколебимая власть божества нужна народу, иначе не устоять, не удержать монолитом страну перед фашизмом. Фашизм тоже страшная сила и власть нации, считающей себя идеальной. Хорошо вооруженная, железная машина смерти для непокорных и инакомыслящих. Жестокость издревле искоренялась только жестокостью, поэтому Сергей был уверен, что Сталин прав. Через день Архип уехал и забрал с собою в Москву Пана, учиться на ветврача, он давно заметил ее любовь к животным и искреннее желание облегчить боль нашим меньшим братьям. Пана поступила в сельскохозяйственный институт, на факультет ветеринарии и устроилась жить в московском общежитии. Познакомилась с Юлией, невестой Архипа, и они вместе проводили его в город «Н», на новое место работы. Через месяц он обещал вернуться в Москву и сыграть свадьбу его и Юлии. Но, ни через месяц, ни через два, он не вернулся – он пропал. Никто не мог ответить, где он и что с ним. Даже, после очередного обострения болезни сына, когда он, Леонид, умер, Акулина с Сергеем искали Архипа, но никто так и не ответил им, где он, только один молоденький паренек пространно и тихо намекнул им про «чебный ворон Сталина» и все. Опять судьба хлестнула их, отбирая умного и прекрасного сына. Акулина вспоминала, как Архип возил ее в Москву. Огромные, роскошные дома, метро ошеломили ее. Они гуляли на ВДНХ и парке им. Горького, столько интересного и нового узнала в этот день Акулина о своей Родине и столице городе Москва. Не обошлось тогда и без веселой истории, которую потом любил Архип рассказывать своим братьям и сестрам, слегка приукрашивая. Просто тогда сын купил матери мороженое, эскимо на палочке, сказал, что это сладко, вкусно и покрыто шоколадом. После такой рекламы продукта, Акулина, конечно, спрятала его в карман своей роскошной, широкой юбки, для Яшеньки. Когда Архип обратил внимание, что не заметил, как мама съела мороженое, и спросил ее:

– Мама, а куда ты дела мороженое?

– Архипушка, не волнуйся обо мне, я его оставила Яшеньке, ему охотнее будет, спасибо тебе, милый.

– А куда же ты его кладешь?

– В карман.

– Да ведь его уже там нет! – завершил опрос сын.

Акулина сунула руку в карман, покопалась и вытащила обертку с палочкой, но уже без содержимого.

– Как!? – недоумевала Акулина, а Архип смеялся громко, азартно, на всю улицу.

Незаметно прошла зима и весна, а летом началась Великая Отечественная Война. Гитлер стремительным маршем, сея смерть и разрушения, полз по стране. Подошли фашисты и к окраинам Москвы. Люди снимались с насиженных мест и уходили глубже в тыл. Иван ушел на фронт, и от него пока не было ни одной весточки. Пана и Сашенька жили и учились в Москве. Яков остался единственным помощником по хозяйству. На воскресенье приехали домой Пана и Сашенька, вместе с Яшей и ватагой деревенских ребятишек облепили черемуху, жевали терпкие, уже подсохшие, спелые ягоды и не умолкая разговаривали о танках, самолетах, войне и Гитлере. Вдруг над самыми их головами завязался воздушный бой между советским «ястребком» и немецким «мессером». Дети, задрав головы к небу, с замиранием сердец, следили за поединком. Яшка, раскачиваясь на ветвях, выкрикивал:

– Во, наш ястребок дает! Так его, так! Заходи левее, бей его, бей!

И тут прямо под ними, у ствола дерева раздался грозный голос, трудно понятной русской речи:

– Ваш яштрибьок, только яиша несет!

Дети глянули вниз и обомлели, под их деревом стоял немец, диверсант, в пятнистой военной форме с автоматом на груди, довольный собственными словами и хохотал. Как горох скатились дети с дерева и дали, стрекоча кто куда. Дома, рассказав родителям о случившемся

в лесу, Пана с Сашей побежали к единственному в деревне милиционеру. Акулина и Сергей забеспокоились, вот и дыхание войны совсем рядом. Еще неделю назад жители деревни порешили всю свою скотину во дворах, чтобы не досталась врагу, правда никто и не думал, при этом, а как же они будут жить дальше. В одном только дворе Повалухиных осталась корова, Акулина на коленях просила Сергея не резать корову, вырывала нож из рук хозяина. И сейчас, уже который раз, Сергей вопросительно посмотрел на жену.

– Спрячем в лесу, в охотничьей сторожке, пропадем ведь без нее. – Умоляла Сергея Акулина. К вечеру совсем близко слышались раскаты боя. На ночлег в доме расположились молчаливые солдаты. Акулина напоила их молоком, и было уже понятно, что они отступают. Они уйдут, а придут немцы. Пана с Сашенькой успели уехать последней электричкой на Москву. Ночью Акулина с Яшей увели корову в сторожку.

Через день в деревню вошли немцы. На счастье Акулины и Сергея в их доме на постой никто не остановился. Немцы изредка навевались в дом у ручья на отшибе деревни, перестреляли всех кур, уток, гусей, съели козла, собрали яблоки в саду, истоптали сапогами кустики ягод в огороде и стали появляться еще реже. Не знали Повалухины, что творится в деревне. Один Яков бегал туда и обратно, каждый раз принося печальные вести. Погреб, вырытый на бугре у реки, заросший крапивой, немцами обнаружен не был. Там хранились разносолы, сало, вяленое мясо, грибы. Настала зима, но особой нужды Повалухины еще не испытывали. Поэтому, когда к Акулине пришла Прасковья, единственная подруга на селе, с просьбой съездить вместе с нею за кониной к местам недавних боев. Она долго думала, нужно ли соглашаться с ней. Сергей был против, но глядя на подругу, сильно похудевшую и осунувшуюся, ей стало стыдно, и она согласилась помочь. Рано утром обе ушли из деревни. Через три часа по снежным дорогам они добрались до места недавнего боя. С изумлением Акулина увидела, что они не одни. Еще несколько женщин и пожилых мужчин копошились у трупов лошадей. Изрядно похолодав по полю, они наконец-то нашли нетронутую тушу лошади, до этого натыкались на уже ободранные скелеты кобыл. Вырубив топором по – возможности, все мясо и ребра, сложили все в мешок. Прасковья расплакалась от счастья, что есть чем накормить детей, что может быть теперь встанет на ножки опухшая от голода дочка Дашенька. Акулину сильно растрогали эти слезы, человеческое горе и боль войны только сейчас стали понятны ей, смущала мысль, что в то время, когда вокруг страдают и умирают люди, они живут спокойно. Только ночами долго молится она перед иконами, просит сохранить жизнь детям ее, да отвести стороною беду. Наконец, уже к ночи, дотянули санки с кониной до станции Львовская. Станция как вымерла, нет ни души. Чьи-то руки, совсем недавно, их еще не запорошило падающим мелким снегом, сложили в рост человека гору человеческих трупов. Акулина остановилась возле этой кучи, холодея от ужаса, и вдруг она увидела, как колыхнулась детская ручонка, послышался слабый еле слышный плач. Акулина бросила мешок и полезла на эту горку, наступая на трупы. Сдвинула верхних два тела женщин и вытащила ребенка. Он был жив. Примотав шалью ребенка к своей груди, Акулина устремилась домой вместе с Пелагеей, продолжая тянуть тяжелые санки. Когда Акулина ввалилась в дом с чужим ребенком на руках, Сергей хотел что-то сказать ей, но она так посмотрела на него, страшно, безумно, что он сразу все понял – она нашла сама себя. Этот маленький человечек сирота, никому не нужный сейчас во время войны и голода, почти как и она когда-то давно в Бухаре. Так в семье Повалухиных появился Иван Гуськов. Ближе к лету, когда немцев выбили из деревни, вернулись домой из Москвы Пана и Саша, все вместе они притащили из леса на одеяле обессиленную, но живую корову с телятком. А Акулина привела домой еще двоих чужих детей, умершей подруги Прасковьи, Максима и Феденьку Огульевых. Зазеленело все вокруг, буйством красок и теплыми днями напомнило о себе лето. Неожиданно вернулся домой на побывку после ранения, пропавший Архип. Все были рады и счастливы, что он вновь в семье, рядом с ними. Но угнетал Акулину молчаливый, опустошенный взгляд сына. По анонимному доносу был арестован он в 1939 году, его обвинили в расто-

чительной халатности государственного имущества, впрочем, он и сейчас точно не знал, за что отсидел по тюрьмам три года, никто ему так и не удосужился объяснить. После начала Великой Отечественной Войны на его письмо с просьбой отправить на фронт, он неожиданно получил положительный ответ. Потом ранение в битве под Москвой, госпиталь и недельный отпуск. Он дома. Но это уже не тот веселый, смелый, удачливый Архип, а совершенно другой изменившийся внешне и угнетенный внутри человек. Акулина подсовывала ему во время обеда лакомые кусочки, успокаивала и жалела его как могла. Шустрая Сашенька съездила в Москву и вернулась с Юлией. У них состоялся тяжелый и долгий разговор. Архип, понимая, что на нем висит клеймо врага народа, всячески пытался отстранить Юлию от себя. Обиженная девушка рыдая, ночью одна побежала на станцию. За деревней Архип догнал ее. Домой они вернулись вместе, тлевшая искра любви превратилась в пламя.

Неграмотная женщина, Акулина, все сделала разумно и правильно во время тяжелейшего испытания нашего народа, такого как война. Она не только сохранила своих детей, спрятав корову в лесу, но спасла, жизнь еще троим, чужим. Доброта ее, тепло души, еще много принесут пользы людям, оставят хорошую память о ней внукам и правнукам. Горжусь тем, что это моя бабушка, и безмерно счастлива, что она успела все это рассказать мне, прежде чем могила поглотила ее.

А Архип после войны восстановится работать на прежнем оружейном заводе инженером, но в 1947 году его вновь арестуют и расстреляют. Юлию с дочерью Галей переселят жить в сырой подвал, и только в восьмидесятых годах Архип Повалюхин будет реабилитирован, а его семья получит квартиру в центре Москвы. Акулина, окруженная внуками и правнуками умрет в 86 лет, а через год на сто третьем году своей жизни умрет и Сергей.

Вера, Надежда, Любовь

Часть 1. Школьный вальс

Называя меня Любовью, родители мои в значение имени смысл всех трех сочетаний:
Вера, надежда, любовь.

Интернат взбудоражен с утра, сегодня выпускной бал десятиклассников. В гостях родители, старейшие педагоги и учителя. Много цветов. В каждой комнатке выпускниц на плечиках, повешенных на гвоздь, вбитый в стену, покачиваются белые платица. Сегодня выпуск в жизнь. За этой чертой бывшие школьники на правах взрослых. И спрос с них теперь, как с взрослых. Какими они пойдут по жизни: трудолюбивыми или ленивыми, честными или лживыми, добрыми или злыми. Может, это будет зависеть от самой жизни, судьбы, генов родителей, а может простое стечение обстоятельств. Вот уже в школе все наряжены, причесаны, красивы с цветами и счастливыми лицами слушают последние напутственные слова своих учителей, родителей, принимают поздравления, а затем накрытые столы, розовое шампанское, школьный вальс и ночь до рассвета в белом платье за руку с мальчиком, парнем, мужчиной. Остановили на дороге автобус, и весь 10-Б класс оказался в Фирюзинском ущелье, среди скал. Веселый костер, звуки гитары, надломленный юношеский голос, журчание ручья – забываемо ли это? – Никогда! Предрассветный слабый холодок собрал весь класс поближе к костру. Преподаватель физики, угодивший с выпускниками, совсем молодой, по болезни не служивший в Армии паренек, обратился к одной из своих любимых учениц:

– Любаша, помнишь гипотезу Прюта?

– Все, Евгений Сергеевич, школа закончилась, теперь могу и не отвечать, и что вы мне за это сделаете? – сказала Люба.

– А, ничего! Я лишен права поучать вас, но все же посоветовал бы тебе, моя лучшая ученица, продолжить обучение в университете на физическом факультете. – Ответил учитель.

Все продолжают сидеть у костра, скоро за ними должен приехать автобус. Володя Сысоев, потихоньку брякает на гитаре, но вот звучит знакомый всем мотив и слаженный хор голосов будит эту горную, скалистую красоту ущелья. Даже чинары у холодного горного ручья зашуршали листочками в такт песне. А, краб, пытавшийся втихаря выбраться на берег, тут же обратно нырнул в речку и залез под камень.

Любаша Зайцева, освещена костром, лицо круглое, волосы каштановые в мелких кудряшках, за что в классе прилепилась кличка «Анжела Дэвис». Аккуратный носик, пухлые губки, узкие, но широко раскрытые глаза. Среднего роста, великолепно телосложения, привлекательна, мила, но и только. Нет той спокойной величественной красоты, как у ее подруги Татьяны. Однако какая сила воли, какой стойкий и гордый характер: можно доверить любую тайну, никогда не обманет и не подведет. Больше половины мальчишек в классе решали именно через нее свои «амурные» дела. Она же четыре года дружит лишь с одним парнем Володей Квашниным. Между ними все решено: они остаются в Ашхабаде. Люба поступает высшее учебное заведение – университет на биофак, а Володя уже учится на втором курсе инженерно – строительного института.

Настал другой день. Прошли недели подготовки к экзаменам. Благополучно сданы два первых вступительных зачета в университет, получены пятерки. И сегодня у Любаши третий экзамен. Она весела, счастлива и идет сдавать самый любимый предмет, биологию. Белое, яркое и жаркое туркменское солнце еще не набрало всей силы, слабый, прохладный утренний ветерок отгоняет жар. Улицы политы, чистота радует глаз, настроение на подъеме. Вот и университет. Главный экзаменатор, туркмен, спокойное полное лицо, грузноватая фигура. Ответ

готов, Любаша отвечает подробно, уверенно и знает, что верно. Туркмен поднимает глаза на нее и говорит:

- Вами не освещена основная тема вопроса, ответ на двойку!
- Как! Но почему? – Реакция абитуриентки.
- Посмотри сюда, здесь, то на что у тебя не было ответа.

С этими словами экзаменатор придвигает к ней листок бумаги, на котором написано «200 руб.» Люба все понимает и вспыхивает от негодования. Но через пару минут берет себя в руки и отвечает:

- Хорошо, но мне надо отлучиться, самое большее минут на сорок.

Экзаменатор подписывает и передает ей в руки пропуск. Обида жжет щеки, проникает в сердце: «Каков подлец, негодяй, но что я могу сделать? Что? Вот она жизнь, вот она разница, по школьному учению этого не может быть, а в жизни – реальность! Чему тогда учите и как учите?» С такими мыслями Любаша доезжает до гостиницы, поднимается в номер к матери. Мама Любаша, Александра Сергеевна Зайцева, приехавшая поддержать дочь на время вступительных экзаменов в Ашхабад, вообще-то работала экономистом в строительной компании поселка Каахка и в данный момент находилась в очередном трудовом отпуске. У себя в поселке ее все знали и уважали. Дочь рассказала ей свою историю поступления в университет сбивчиво, мешают говорить обида и несправедливость, завершила свою речь словами:

- Мама, дай 200 рублей прямо сейчас, а то не поступлю.

Но, Александра Сергеевна все и сразу поняла, молча, как должное, она достает деньги и передает их Любе. Девушка выходит из номера, бежит до остановки, ждет автобус, и... обращает внимание на витрину шикарного магазинчика «Одежда». В университет она больше уже не возвращается. Красивые осенние сапоги, вязаное пальто, клетчатый костюмчик с этими вещами Люба возвращается в номер к матери. Мать волнуется и говорит:

– Боже мой, променять свое будущее на тряпки, наверное, на это способна только ты! Вылитый отец! Справедливости вам подавай! Полковник, а сколько лет болтается по границе, его друзья, не такие праведные, и где они? – В Москве, сидят в управлении. А он, везде-то свой нос засунет и..

Любаша прерывает речь разгневанной мамочки:

– Ну, ладно, ты все беды готова свалить на отца, и здесь он у тебя виноват! Это мое решение! Это моя жизнь! Ничего страшного не произошло, буду работать, у меня две специальности. Мама успокойся, лучше договорись с Лазарем, своим дружком, что бы я могла у него жить. Именно так все и произошло в дальнейшей судьбе этой девушки. Она устроилась на работу секретарем в Министерстве легкой промышленности и стала жить у Лазаря, маминого знакомого директора магазинчика промтоваров. Володя тоже не осудил поступок Любаша, он приходит к концу рабочего дня к министерству и вдвоем они проводят почти все вечера. Однажды, сидя на лавочке в городском парке и обнимаясь, они заметили молодую женщину, которая была в приличном подпитии и цеплялась словами ко всем проходящим мимо людям. Люба вспомнила свою историю нечаянного опьянения. А было это в прошлом году, в начале лета. Стояли очень теплые солнечные дни, она возвращалась с консультаций по подготовке к экзаменам из школы в интернат, и по пути заскочила в продуктовый магазин, очень сильно хотелось пить. Она обратила внимание на колбы, заполненные различными соками, а рядом холодная, аж запотевшая, колба с напитком «портвейн». Люба спросила у продавца, молодого мужчины, что это за напиток? На что он ей ответил: «Виноградный сок». Залпом, выпив стакан этого напитка, Любаша вышла из магазина, дошла до остановки, и вдруг все вокруг куда-то поплыло и задвигалось. Хорошо, что сразу подошел нужный автобус, а то неизвестно, чем бы все это могло завершиться. Как заходила во двор интерната Люба еще смутно помнила, но потом, все, полный провал в памяти. На утренней линейке, построение было обязательно каждый день, потому, что интернат был пограничный и директором в нем был офицер, ее

выставили на середину площадки, и она узнала о себе много нового. Оказывается, Люба вчера вечером обругала педагогов, толкала малышкой, лезла на свой второй этаж по лестнице на четвереньках. И в завершение всего, когда в комнату вошел директор, офицер, с желанием узнать, что происходит, она его попросила оставить ее в покое, выйти вон, так, как была уже раздета, а он мужчина и далеко не джентльмен, а хам и приставала. Любаша стояла перед всеми, опустив голову, и не оправдывалась, просто потому, что ничего не помнила. После каждого заявления директора все дети интерната дружно хохотали над ее выходками вчера, и просто удивительно, что после всего этого только вызвали ее родителей в интернат, а вопрос об отчислении даже и не ставился. Люба вспомнила эту историю и улыбнулась, но Володя тоже знал, по рассказам друзей, об этом и поэтому сказал:

– Любань, ты что, вспомнила ту историю с портвейном, я угадал?

– Да, Володя, глядя на эту женщину, представляю, в каком виде я вкатилась тогда в интернат.

Часть 2. Спасение

Выпадает четыре дня выходных и Любаша едет в поезде домой, к родителям, в Каахка. Везет с собою Володин подарок: большую красивую куклу. Сегодня, провожая ее на станции до поезда, он сделал ей предложение стать его женою, сказал, что любит и целовал пальчики рук. Темная азиатская ночь, в окно вагона заглядывают большие, яркие звезды и такие они, низкие и яркие, какими бывают только на юге. Любаша смотрит в окно, мимо по вагону проходят трое туркмен, молодых парней и садятся напротив девушки. Один из ребят обращается к Любе:

– Девушка, у вас такая хорошая кукла, как ее зовут?

В ответ молчание.

– Девушка не хочет разговаривать с нами, почему? – Спросил другой парень.

Любаше действительно не хотелось разговаривать с ними, и она демонстративно повернулась к окну и внимательно рассматривала звезды.

– Мы, вам, не нравимся, да? Чем же именно? Может, вас смущает цвет нашей кожи, а? – Спрашивает один из парней, высокий и нагловатый. Он берет куклу за платье и тянет к себе.

– Оставьте меня в покое! – Просит Люба и дергает куклу на себя. Кнопочки на платьице куклы расстегнулись, стала видна коротенькая рубашечка и миленькие, кружевные, беленькие трусики. Высокий туркмен улыбнулся, и сказал:

– Посмотри, твоя кукла раздевается, не хочет ли того же ее хозяйка? Девушка поедомте с нами, вы никогда не пожалеете об этом. Вы мне очень нравитесь, клянусь мамой.

Любаша застегнула кнопочки на платье куклы и вызывающе посмотрела на туркмена.

– Еще раз прошу вас оставить меня и мою куклу в покое. – Ответила она.

– Да чем ты недовольна, что тебе не нравится? – Продолжал приставать парень.

– Все! – Последовал ответ.

– Ишь, ты, какая беленькая, чистенькая. Все ей не нравится. Клянусь аллахом, я не хотел тебя обижать, но придется проучить такую кралю, чтобы в другой раз не задавалась! – Негодовал турок. Еще много им было сказано обидных слов в адрес Любы, за двадцать минут, пока поезд не подъехал к станции Каахка. Любаша с облегчением сошла с поезда. Однако трое ребят, переглянувшись между собою, прыгнули тоже. У здания вокзала горела единственная лампочка, вырывая клочок земли у тьмы и вокруг никого не было. Девушка оглянулась, увидела пристававших к ней троих туркмен, уходящий поезд, и ей стало страшно. Побежав к спасительному свету, она заметила уходящий от станции развод пограничников, смена роты сопровождения поездов. К этому времени наглые ребята из поезда уже почти приблизились к ней, ухмыляясь.

– Эй, солдаты, пограничники, стойте! – Закричала Люба. Развод остановился, солдаты пошли к ней навстречу. Девушка тоже бежала к ним, выслушивая отборный мат от ребят с поезда, за своею спиной. Добежав до пограничников, взволнованная Любаша спросила:

– Вы в отряд?

– Да. – Ответил старшина взвода.

– Возьмите меня с собою. Я дочь подполковника Зайцева, приехала домой, а тут пристали, если бы не вы, даже не знаю, что было бы. Помогите мне, пожалуйста.

– Наряд, смирно. Габардинский, выйти из строя. – Скомандовал старшина.

Из строя вышел высокий, худощавый, черноволосый парень. Командир взвода продолжал:

– Слушай мою команду. Проводишь эту девушку до восьмого коттеджа, сдашь из рук в руки отцу или матери, потом сразу вернешься в казарму. Ясно?

– Так точно. – Последовал ответ.

По дороге домой в малознакомом, но необыкновенно зеленом и уютном поселке Любаша молчала. Неожиданный инцидент в поезде, на вокзале, благополучное их завершение, все пережитое требовало осмысления. У солдата же наоборот не закрывался рот, он постоянно что-то говорил. Девушка уже узнала от него, что его дом на Украине, где ждут, не дождутся, когда он вернется, его сестренки близнецы. Он даже не замечал, что она немногословна, а на его вопросы отвечает только да или нет. Наконец, его внимание привлекла кукла, и он спросил:

– Какая большая, чудесная кукла. Наверно это подарок, я угадал?

– Да. – Ответила девушка, и внезапно остановилась со словами:

– Вы говорили, что у вас есть младшие сестренки?

– Да, Света и Луиза. – Ответил солдат. А Любаша продолжала:

– Я вас очень прошу, возьмите эту куклу себе, пошлете ее сестренкам, пусть они с нею играют. Прошу вас заберите ее у меня, и не стесняйтесь, она точно мне не нужна.

Девушка так упрашивала солдата, что он не смог отказаться, был крайне удивлен и бормотал:

– Ну, хорошо, если вам так хочется, спасибо.

Некоторое время они шли, молча, подошли к жилому домику, утопающему в зелени винограда, где Любашу встретил удивленный отец:

– Ты приехала, даже не предупредила.

Александр Габардинский пришел в казарму с куклой и вместе с нею лег спать. На следующий день солдаты весело шутили по этому поводу. На танцах, которые проходили по субботам и воскресным дням, Любаша и Александр встретились вновь, и только теперь они более внимательно пригляделись друг к другу. Вернувшись, домой с танцев в воскресенье, Любаша подумала, что Александр очень интересный молодой человек, общителен, хороший музыкант, весел, пригласил ее в клуб. Через день она побывала в мастерской художников, в число которых входил и Габардинский, где смогла положительно оценить их работу по оформлению «Комнаты Славы Краснознаменного Среднеазиатского пограничного отряда имени Дзержинского». Много узнала интересного и так, как сама очень увлекалась живописью, пыталась рисовать, делать гравюры, то осталась, восхищена художниками, особенно Александром, который сделал все, чтобы оставить приятные впечатления о себе.

Дома же Любаша рассказала матери и отцу о предложении Володи стать ему женой и своем согласии на это. Зная о пятилетней дружбе детей, родители обрадовались, и стали потихоньку готовиться к свадьбе. Вернувшись на работу в Ашхабад, Люба стала часто вспоминать Александра и как-то само собою сделала вывод для себя, что хочет вновь встретиться с ним. Володя, заметил изменившиеся, к более прохладным, отношения между ними, но не придавал этому должного значения. Не насторожило его и то, что Любаша стала уезжать каждую субботу и воскресенье домой. Сегодня опять Люба спешит на танцы к Александру. Что-то новое неизведанное вошло в ее жизнь, такого чувства раньше не было. Они не хотят расставаться друг с другом, встречаются глубокой ночью, когда в казарме все спят, и родители девушки думают, что она спит. Сидят в укромном темном местечке, прижавшись, друг к другу, рассказывают веселые школьные истории. За таким поворотом событий, Любаша просто забыла о готовящейся свадьбе ее с Володей. А тут еще родители уехали в Крым на время отпуска, предоставив полную свободу действий своей дочери. Конечно, Люба и Александр сразу стали встречаться у нее дома. Александр дослуживал последние дни, но такой долгожданный дембель, почему-то уже его не радовал, там, на родине, в Макеевке, ждет его невеста, и ведь надо же, ждет! А ему сейчас безумно нравится эта кучерявая веселая девушка, милая, любимая и больше никто ему не нужен, и, как же ему быть? Однако все разрешилось само собою. Габардинскому в командовании части, предложили остаться на сверхсрочную службу, и он согласился. Командир отряда выделил ему комнату, и он пришел к ней, Любаше, предложил ей свою руку и сердце и увел к себе. Через день регистрация в ЗАГС, шампанское, цветы, поздравления друзей, муж и жена.

Месячное ожидание перед регистрацией, для молодоженов, на которое рассчитывала Любаша, чтобы уладить свои отношения с бывшим женихом и работой, оказывается совсем не обязательно для военнослужащих, таков закон. Через четыре дня, после замужества Любаша, вернулись из отпуска загорелые родители, все узнали, оказывается, у них уже есть зять, хулиганка дочь преподнесла очередной сюрприз. На выходной приезжает Володя, он огорчен, удивлен и просто ничего не понимает. Жизнь продолжается. Отмеренный ею кусок уже невозможно перекроить, если только заново родиться. Любаша с Александром уезжают служить на пограничную заставу «семерку». Они счастливы. Взбудоражены и недоумевают ее родители, и его родители, а им до этого нет никакого дела.

Часть 3. Служба

Габардинским повезло, на заставе, кроме их пары, молодой замполит Евгений с женою Олей, есть с кем общаться и к кому прийти в гости. На заставе небольшая свиноферма и своя бахча. Два, три раза в неделю играет тревога, выезды вдоль границы, обстановка, диверсанты, шпионы. Участок границы беспокойный, жизнь интересна, остросюжетна и наконец, просто опасна. За год работы в Ашхабаде, Министерстве бытового обслуживания населения, Любаша поступила на заочное обучение в институт Легкой промышленности в городе Москве. Произошло это совершенно неожиданно для нее самой. Летом прошлого года она приезжала в гости к своей тетке, во время очередного отпуска, погулять по Москве и отдохнуть. Наткнулась на объявление о наборе в институт. Как-то легко, без напряжения и особой охоты, сдавала вступительные экзамены, и что уже совершенно невероятно, успешно набрала нужное количество баллов и была зачислена в институт. На заставе появилась возможность основательно готовиться к сессиям, без спешки и осмысленно решать домашние задания. Так и протекали дни, один за другим.

Но, однажды, ранним утром, на «семерку» пришел седой, совершенно неадекватно ведущий себя солдат с соседней заставы – «восьмерки». На все вопросы, обращенные к нему, он отвечал, округлив безумные глаза, одно и то же: «Мертвые, везде мертвые... все мертвые!»

На восьмую заставу выезжает УАЗ-469 с начальником седьмой заставы, капитаном Бойко, замполит Долгоруков, прапорщик Габардинский, солдат с рацией, для связи и УАЗ-469 медицинской службы, вызванный из отряда с медиком фельдшером Нелей Константиновой и санитаром срочной службы, куда напросились взять их с собою, Любаша и Оля, предлагая свои услуги помощи. Перед отправкой на границу, женщины проходят шестимесячный курс медицинских сестер, только при успешном зачете обучения, разрешена жизнь на границе.

Подъехали к сигнальной системе номер один, усела пыль, и стало понятно, что никто не встречает машины. Телефон молчит, ворота закрыты. Пока пытаются их открыть, набирая нужный код, в груди у Любаша, где-то глубоко внутри, на тонкой писклявой нотке появляется жуткий страх. Это чувство можно и не испытать, если все происходит мгновенно. Но, сейчас, в ожидании чего-то невероятного и неизведанного, страх на первой полосе. Наконец, ворота открыты, и мы проезжаем до первого поста. У входа в КПП видны босые ноги, далее неподвижные тела двух солдат, глаза открыты. Лето в Туркмении жаркое, и вокруг уже летают большие, блестящие, зеленые мухи. Люба зажимает рот, чтобы не закричать и оборачивается к Нелли, которая стоит рядом и тоже смотрит на солдат. С первым постом все ясно и молчание на вызов по рации понятно, теперь нужно узнать, почему молчит заставка. И мы отправляемся дальше. Любаша чувствует, что начинает трястись, появился холодный пот, состояние близкое к обмороку, со всех сил девушка сдерживает это чувство страха, перемешанное с ужасом. Застава встречает тишиной. Когда замполит открыл входную в казарму дверь, из груди его вырвался стон: к двери кинжалом приколот часовой, ноги волочатся по луже крови на полу, уже густой и черной. Дальше еще страшнее, в разных позах, в нижнем белье, лежат мертвые солдаты. Мы мечемся между ними, ищем хоть у кого-нибудь пульс, но все напрасно. Крови почти нет, только возле уха каждого запекшаяся струйка крови. Они убиты очень опытной рукой, специально обученных, профессиональных убийц, владеющих проволокой или ножом, гораздо лучше пистолета. Куда бы мы ни кинулись, везде трупы. Мертв начальник заставы, совсем еще юнец, два месяца, как прибыл на место службы после училища, убит замполит, его жена и дети, мертв, прапорщик и его семья тоже. Не в силах далее выносить эту жуткую картину женщины плачут навзрыд, всхлипывая и размазывая по лицу осевшую пыль, ставшую грязью. Как ужасна картина смерти и как она бессмысленна.

Целую неделю, Любаша не может прийти в себя, после поездки на восьмую заставу. Не может спать ночью, сон улетучивается от малейшего шороха. Очень часто появляется картина мертвецов в белом. Каждый день, ближе к вечеру, хочется закричать мужу:

– Я завтра уеду. Я больше не могу! Мне просто страшно. – А как же он один? – Думает она и остается. Через три дня Габардинские узнают, почему произошла эта трагедия и Любаше сразу становится спокойнее, у нас этого не повторится. А произошло вот что:

Жители Ирана много лет подряд пасли скот на нашей территории, перегоняя его через мелкую речушку «Тедженку». Старый начальник заставы не обращал на это никакого внимания, но вот появился новый, и переговорив со старейшиной иранского городка, запретил пасти скот на нашей территории. Старейшина взмолился подождать до осени, объяснил, что пастбища перепажаны, других мест для выпаса нет, и у жителей безвыходное положение, что бы он не предпринимал, они будут пасти скот именно там. Так и произошло в дальнейшем. Опутал начальник участок проволокой – порезали и пасут, сделал колючие стойки – изломали и пасут. Вот тогда-то и была им совершена роковая ошибка, стоившая многих человеческих жизней. По приказу начальника заставы привезли из города путающуюся колючую проволоку, ночью утопили ее в реке на месте брода, да так, что и видно не было. Утром, ничего не подозревавшие иранцы, как обычно, погнали скот и лишились его. А потом настала ночь, последняя ночь для жителей заставы. Лишь один солдат остался жив, наказанный, на кухне он чистил картофель. Увидев мелькающие тени, заподозрив что-то неладное, он спрятался в котел, засыпав себя очистками. Это он седой и безумный, пришел на седьмую заставу. Сколько горя принесла людям принципиальность одного человека. Ведь он прав и не прав одновременно. У нас это не может повториться потому, что в нашей фисташковой роще тоже пасется иранский скот, переплывая Тедженку, но Бойко не обращает на это внимания и систему перенес за рощу.

Больше года отдано службе на седьмой заставе и наконец-то мы перебираемся в пограничный отряд поселка Каахка. В отряде много семей офицеров, гораздо больше женщин и первые месяцы у Любаши просто не закрывался рот, она не могла наговориться. Веселая и общительная по натуре, она сильно испытывала дефицит общения на заставе. А жизнь брала свое, дарила радости, минуты счастья, исполнялись мечты, набегали и уходили испытания. Худенькая, стройная с копной каштановых кучерявых волос, круглолицая и зеленоглазая, с отдаленными признаками азиатских кровей, Любаша быстро и активно влилась в коллектив отряда. Кроме общественной работы, нашлась для нее работа и по существу. Она преподавала физику в школе рабочей молодежи при хлопкоперерабатывающей фабрике поселка. Иногда, когда болел учитель физики в дневной школе, она с удовольствием подменяла его работу. Старалась демонстрировать больше опытов ученикам, чтобы у них появлялся интерес к предмету. Однажды, рассказывая и показывая принцип работы камеры сгорания в ракете, она попросила рослого и сильного паренька из класса накачать воздухом резиновую ракету на площадке возле школы, и, установив ее на старт, произвела пуск. Наверно мальчик действительно хорошо постарался, накачивая ракету – она очень быстро улетела и так далеко, что с тех пор ее никто и не видел, а Любе пришлось, оплатить стоимость пособия. В свободное время Габардинские занимались в ансамбле при клубе отряда. Саша играл на аккордеоне, а Любаша танцевала танцы. В ансамбле занимались самодеятельностью, как работники отряда, так и одаренные и призванные на срочную службу солдаты. Изредка, по большим праздникам, работники ансамбля выезжали с концертами по городам и другим отрядам туркменистана. Вот и сегодня импровизированные артисты, слегка уставшие, покачиваясь в мерном ритме при движении автобуса, возвращаются домой, после выступления в Ашхабаде. Проехали половину пути и как обычно, буднично, остановились размять ноги. Капитан Кисель, руководитель ансамбля, великолепно игравший на скрипке, объявил:

– Вынужденный привал. Уважаемые дамы и господа, мужчины – холмики налево, милые женщины – направо, сбор через 15 минут, сверили часики, время пошло.

Все шло обычным, давно отработанным ритмом. Кисель первым вышел из автобуса, первым зашел за холм и... увидел лису. Рыжая, с секунду смотрела на него, а затем юркнула в нору. Кисель обследовал холм, нашел еще один выход норы, представил на плечах своей жены роскошный воротник и начал операцию «охота». У одной норы горят собранные сучья, сухая колючка, гребенчук. Шофер автобуса, солдатик, держит в руке палку, на которой висит ведро с бензином, периодически он черпает кружкой из ведра горючее и подливает его в огонь; у второй норы, с другой стороны холма, стоит Кисель с пистолетом в вытянутой руке, дожидаясь, когда же выскочит лиса. Между ними, ближе к середине холма, да простит меня читатель, сидит и кричит «по большим делам» старшина. Следует напомнить, что 15 минут иссякли, и женщины вышли на дорогу. И тут происходит неожиданное: ведро с бензином соскальзывает с палочки и падает прямо в огонь, бензин выплескивается на бедолагу водителя, отчего последний вспыхивает, как факел. С криком ужаса, горящий паренек бежит, и надо же такому случиться, прямо на старшину. Тот, несколько секунд смотрит на приближающийся объект, с надеждой, что солдат пробежит мимо, но, увы. Тогда старшина выпрыгивает из своих брюк, максимально одергивает рубаху и тоже устремляется в бега. Вся эта картина: горящий солдатик, бегущий за старшиной без штанов, привлекла внимание женщин на дороге, и они стали кричать мужчинам:

– Ну, сбейте же солдатика с ног, сгорит же парень!

Наконец, одному из артистов удалось сбить с ног водителя автобуса, а Габардинский накрыл его, принесенной из машины шинелью. Все собрались в кружок и с тревогой смотрели на затихшее под шинелью тело солдатика. Александр приподнял край шинели, на сослуживцев глядели черные, как смоль глаза водителя. Солдатик жив и почти не пострадал, это просто удивительно. Когда все сели в автобус и собрались продолжить путь, почувствовали, что ими никто не командует. Где же Кисель? Артисты высыпались из автобуса и дружно побежали к холму с норой. Кисель стоял на прежнем месте и держал в вытянутой руке пистолет. Смеялись все, очень дружно и громко. Кисель удивленно уставился на сослуживцев и долго не мог понять, что происходит?

Вскоре чета Габардинских отметила пятилетний юбилей их брака. В семье появился сын, Олег, симпатичный, кучерявый мальчуган. Александр возмужал, пополнел, выработал отличный командный голос и продвинулся по службе. Южная граница была самой беспокойной по всему Советскому Союзу. Восемьдесят процентов нарушений и происшествий на границе, приходились именно на ирано-афганский участок государственной границы. Очень часто, два, три раза в неделю, Александр уходил из дома по тревоге, и никто не мог знать, как долго продлится тревожная обстановка. Любаша привыкла к такому образу жизни их семьи, тем более, что теперь у нее была забота вырастить и воспитать сына. Но и веселиться ребята артисты умели. В последнее время придумали себе развлечение виде танца «канкан» из варьете. Одевались, конечно, соответственно: девушки – кружевные рейтузики, черные чулки, подтяжечки, пышные юбки; мальчики – котелочки, бабочки, смокинги. Что пошили сами, что нашли в реквизитах клуба. Играли музыку в ползвуча и веселились. Но однажды, то ли по навету, то ли так вышло, застукал их танцующий командир отряда и пообещал тоже устроить для всех развлечение. И слово свое он сдержал: пришлось сверхсрочникам из клубных бежать кросс на пять километров со всем снаряжением, это: шинель скатка, оружие, патроны, фляга с водой, сапоги, каска и прочие принадлежности экстренной необходимости. После такого марафона клубная жизнь слегка приутихла. Тикало время, продолжалась служба в отряде. Много еще интересного и запоминающегося произошло в их жизни за эти пять лет. Может, стоит вспомнить поездку в близлежащий курятник, за яйцами, когда Габардинские с друзьями Моставщиковыми, Евгением и Татьяной, взяли служебный УАЗ-469, кучу заказов и десять ведер, под яйца. Сначала поездка удалась, они благополучно доехали до совхоза, выписали и загрузили в машину десять ведер яиц, но на обратном пути, решив сократить путь, попали в такыр,

песчаное болото. УАЗ-469 постепенно и уверенно погружался в топь. Хорошо, что недалеко от места их погружения, рос гребенчук. Александр рубил его, а все остальные без остановки пихали ветки под колеса машины, до тех пор, пока, наконец, не вытолкали УАЗ из такыра. Было уже поздно и все так устали, что упали спать прямо на срубленных ветках у машины. Первой проснулась рано утром Любаша. Открыв глаза, долго не могла понять, почему все белым бело вокруг, а когда пригляделась, поняла, что это скорлупа от куриных яиц. И действительно все десять ведер были пусты, пока они спали, шакалы устроили настоящее пиршество. Мало того, что мужчинам досталось за чуть не угробленную автомашину, еще и ничего не привезли из поездки.

Или может, стоит вспомнить исчезновение солдата в горах, когда месяц все служащие отряда, офицеры и солдаты, искали своего сослуживца. Командование части запрашивало сопредельное государство, не ушел ли туда перебежчик, но ответ был отрицательный. Время было летнее, жарко. Воду для питья, на место поиска солдата, для военных, сбрасывали с вертолета в резиновых емкостях, но половина из них лопались при ударе о скалы, поэтому все изнывали от жажды. Только через месяц, уже вызванные из Ашхабада альпинисты нашли тело солдата в расщелине гор, и то, только ориентируясь на скопление грифов. Обстановка была снята и Александр вернулся домой. Все рубашки, что он брал с собою в тревожном чемоданчике, на выезд по тревоге, были твердыми от пропитанной соли.

Часть 4. Отдых

Все эти годы Любаша продолжает работать в школе, рождение сына Олега мало что изменило. Ребенок находился в яслях, иногда с отцом, а временами с бабушкой Александрой. В это лето, когда Олегу исполнилось четыре года, а у Любашы начался отпуск и наступили летние каникулы в школе, Габардинская с сыном и мамой поехали на два месяца к отцу Любы. Который, весной этого года в должности полковника пограничных войск, демобилизовался из армии по возрасту и работал на гражданке директором дома отдыха «Фирюза». Оздоровительный центр располагался в ущелье, среди заснеженных гор Копет-Дага. Местечко являло собой оазис. С гор сбегала река Фирюзинка, вокруг нее пышная растительность: вековые чинары, орешник, заросли ежевики. На вершине скалы, хорошо видимой, как с трассы на поселок, так и из дома отдыха, прямо из монолита скалы, высечен великолепный, огромный, гордый орел. Воздух хрустально чист. Прохлада ласкает тело, даже в самый жаркий день. Вдоль дороги к курортному месту орошаемые сады, где растут персики, груши, яблони, гранаты, алыча, абрикосы. Далее змейка дороги, вьется по фирюзинскому ущелью, узкому и извилистому асфальтированному шоссе.

Василий, отец Любы, очень обрадовался приезду дочери, внука и жены. Ему необходимо было предоставить отгулы официанткам, работавших в его доме отдыха уже более двух месяцев безвыходных. Поэтому он упросил дочь поработать официанткой, а каждой из своих работниц выделил по одной неделе отдыха. Габардинская окунулась в новый, неизведанный ею мир девичьих отношений на работе. Девушки были совершенно разными и внешне и по характерам, но все сошлись одинаково в действиях к новой официантке – дочери директора дома отдыха. Каждая девушка несла материальную ответственность за столовые приборы, имела свой шкаф и ключи к нему, где и хранилась посуда. В случае пропажи ложки, вилки или каких других столовых принадлежностей, стоимость пропажи удерживалась из зарплаты. Любаша не вникла детально в свои обязанности по договору, поэтому после каждой передачи смены отдохнувшей работнице у нее не хватало этих самых столовых принадлежностей на сумму близкую к ее заработной плате, в то время, как у всех остальных официанток все было нормально. Габардинскую это, похоже, не очень расстраивало, дни были насыщены событиями и интересными встречами. Однажды в дом отдыха приехал знаменитый артист Евгений Леонов. После обязательной программы выступлений перед отдыхающими, он согласился на вечерний ужин в семейном кругу Зайцевых. Много рассказывал забавных историй во время съемок известных фильмов с его участием. Весь вечер танцевал с Любашей, наговорил ей кучу хороших комплиментов, даже пытался ухаживать, но довольно быстро отказался от своих намерений. Габардинская видела в нем только комедийного актера, его взгляд, безумно добрый, красное круглое лицо, совершенно такое же, как в «Джентльменах удачи» просто не могло разбудить в ней никаких других чувств.

Однако следует признаться, что курортный этот городок находился на самой границе СССР и Ирана. Вполне естественно, что соблюдался строгий распорядок дня и был введен комендантский час. После 23 часов запрещалось ходить по поселку. Директора домов отдыха, детских лагерей и туристических баз обязаны были следить за порядком и немедленно сообщать о чрезвычайных происшествиях или исчезновении людей в штаб пограничного отряда, который тоже располагался в поселке. В случае необходимости по тревоге поднимался пограничный наряд, выставлялись посты на дорогах, передавались сообщения по заставам, и перекрывалась граница. И все-таки, несмотря на такие жесткие условия проживания отдыхающих, за период курортного сезона, который длился пять месяцев, в поселке происходили драки, воровство, похищения девушек и другие происшествия. Поэтому у Любашы с отцом была договоренность: в случае ее не появления дома позже 23 часов 30 минут, отец начинает принимать

меры по розыску дочери, значит, случилось что-то серьезное. Эта договоренность не оказалась напрасной.

Однажды, вечером после работы, Любаша с официанткой Сашенькой, очень порядочной и симпатичной девушкой, заглянули на танцплощадку. Познакомились там с двумя офицерами летной части, Славой и Андреем, протанцевали только с ними до конца закрытия дискотеки, 23 часов. Кавалеры уговорили девушек проводить их по домам. Когда, за разговорами, Люба, Саша и сопровождающие их мужчины вышли на проезжую часть дороги, к ним подъехала автомашина «Волга», остановилась, и Слава с Андреем довольно бесцеремонно впили девушек в легковушку. Не обращая никакого внимания на возмущение девушек, молодые люди на большой скорости выехали из поселка и помчались прочь от курортного места к «Чулинскому ущелью». Мужчин было трое. Девушки, прижавшись, друг к другу, с ужасом думали, что же далее произойдет. Когда машина свернула с трассы на проселочную дорогу, Любаша набралась смелости и заговорила:

– Ребята, мне бы очень хотелось знать, что вы задумали?

Ответил Слава, молодой лейтенант, протанцевавший с Любашей весь вечер и сидевший сейчас рядом с нею:

– А, вы, не догадываетесь?

– Нет, – ответила Люба.

– А, я, думал, что мы очень приглянулись друг другу, Любочка, ты совершенно в моем вкусе, посмотри, что уже со мною творится. – После этих слов, лейтенант взял руку девушки и положил ее себе между ног. Любаша почувствовала твердую, пульсирующую плоть мужчины, и попыталась вырвать руку, со словами:

– Но, я, не хочу этого! У меня есть муж, тоже офицер, и он меня удовлетворяет.

Вмешался в разговор второй кавалер, Андрей, который танцевал с Сашей, а сейчас сидел рядом с водителем. Он повернулся к Сашеньке и спросил:

– Ты, тоже так думаешь, милая?

– Конечно! – Ответила она. Но он продолжал:

– Разве вы не знаете, что, соглашаясь проводить себя до дома, вы дали согласие на любовное свидание. Такой негласный обычай существует. Сидите вы на кошме, а в ногах у вас стоит сумочка, набитая всякой снедью, шампанским и конфетками, мы ведь не звери какие-нибудь, все по доброй воле.

Любаша обрадовалась:

– Так у вас нет намерения, нас изнасиловать?

– Я, думаю, мы договоримся полюбовно. – Проговорил Слава.

– А если не договоримся? – Продолжала допытываться Люба.

– Тогда будем насиловать. – Отозвался до сих пор молчавший водитель.

Машина остановилась на берегу речушки.

– Все, приехали! – Вновь подал голос водитель.

Мужчины выскочили из машины, открыли багажник, достали какие-то топчаны, электрическую лампочку с переноской, выдернули из-под девушек кошму и занялись обустройством любовного гнездышка. Саша толкнула Любашу в плечо и показала ей большой гаечный ключ, при виде которого Кабардинская решила действовать. Она открыла дверь и вышла из машины. К ней сейчас же подбежал Слава, схватил за руки со словами:

– Прекрасная леди согласна? На что Любаша заговорила быстро и убедительно:

– Прекрасная леди скажет, что она дочь бывшего пограничника, полковника Зайцева, его здесь почти все знают. По договоренности с отцом, после 23 часов, 30 минут он поставит на уши пограничный отряд. Ребята, давайте, пока не поздно, садимся в машину и едем в поселок, там разбегаемся по домам.

– Поздно! – отметил Андрей.

– Уже 24 часа 10 минут. – Продолжил он.

– Тогда, тем более вам нужно поторопиться! – настаивала на своем Люба.

– Да она все врет, пацаны, во, дают, уши развесили, да я сам первым и попробую. – сказал водитель «Волги». Он тоже приблизился к Любаше и схватил ее за руку. Теперь одну ее руку держал Слава, другую водитель и каждый тянул к себе. Шофер был староват, да и одет не по форме, похоже техник, ремонтник самолетов. Девушка сама прижалась к Славе, продолжая говорить:

– Я говорю правду! Спрашивайте про отца, отвечу все, какая внешность, какие привычки, стиль разговора?

Славик обрадовано обнял Любашу:

– Значит первый я?

Но тут заговорил Андрей:

– Пацаны, стоп! Я знаю полковника Зайцева, сталкивался когда-то пару раз с ним по «обстановке», вертолет он требовал, крутой скажу вам мужик. Слава обратился к нему:

– Ты, что, серьезно?

– Да, ребята, если она его дочь, то я на ее стороне, сам вам руки повыварачиваю. Да и силой не хотелось бы, мы ведь все-таки офицеры.

Люба обрадовалась и продолжала убеждать Андрея в своей правоте:

– Я не лгу, Андрей, это мой отец. Он такого же роста, как я, похож на меня, то есть наоборот, я очень похожа на него, посмотри внимательно.

Офицер осветил девушку лампой и печально изрек:

– Пацаны... Мы, влипли.

Славик завозмутился:

– Да, вы что? У меня с конца капает! Нельзя что ли?

Андрей заговорил снова:

– Все, братва, собираемся по-быстренькому, и дай Бог нам проскочить пограничный наряд, иначе у тебя, Славик, из носа закапает

Мужчины скидали в багажник все, что достали из машины. Все участники неудачного развлечения уселись в машину. Водитель с проклятиями завел «Волгу» и продолжая материться, поехал по проселочной дороге. При выезде на трассу, они увидели огни, наряд пограничников. Почти доехав до тревожной группы, водитель выругался последний раз:

– Все... П...ц!

Старший наряда приказал всем выйти из машины, красноречиво указывая автоматом, куда отойти. Осветил всех лучом фонарика, подольше задержался на Любаше. Затем отошел к группе пограничников, тоже вооруженных автоматами, и связался с кем-то по радиации:

– Докладывает одиннадцатый. Товарищ полковник, по приметам точно она. Так точно.

Понятно.

Мужчинам застегнули на руках наручники и усадили в армейский УАЗ. Люба и Саша опять сели в «Волгу», которую теперь вел старший наряда и благополучно прибыли в поселок.

Когда Габардинскую доставили домой, отец налетел на нее, как грозный тайфун:

– Ну, если тебе захотелось погулять на стороне, ты хоть имей совесть предупредить меня и мать!

Любаша оправдывалась:

– Кто тебе сказал, что мне захотелось? Да, они нас запихали в машину силой!

Отец негодовал:

– Они говорят добровольно!

– Сейчас! – Люба показала покрасневшую часть руки отцу со словами:

– Вот, смотри! Тащили как овец на закланье.

Полковник кинулся к телефону, со словами:

– Да, я, этих мерзавцев в порошок сотру!

Любаша тоже подошла к телефону, и придерживая трубку, заговорила снова:

– Пап, но они ведь нам ничего не сделали, а сами решили нас отпустить, когда мы настойчиво отказались. Мы им поулыбались на танцах, ласково поговорили, вот они и решили, что мы согласны.

Полковник накрутил номер, когда ему ответили на другом конце провода, он приказал:

– Посади их на 15 суток за нарушение режима. Завтра разберемся.

И положил трубку телефона.

После этой истории, Любаша прекратила посещать танцы, а после работы бежала домой. Неожиданно по субботам и воскресеньям стал приезжать в дом отдыха и ее муж, Саша, и эти дни они проводили вместе. Когда Габардинская отработала обещанные отцу дни, и все официантки отдохнули, отец похвалил ее за работу и тут же сообщил, что все деньги ею заработанные, удержаны за потерю материальных ценностей. Потом все-таки пожалел свою дочь и выдал ей жалование из своих сбережений. Девушка поцеловала отца, она очень сильно любила его за мужественность, за свое спартанское воспитание, за самостоятельность и силу духа, привитые ей этим гордым и сильным человеком. Она никогда не видела его трусливым или испугавшимся, она знала, что ее отец награжден орденами и медалями за отвагу и мужество. Он всегда справедлив и честен. Отпуск закончился и Любаша с сыном вернулись в Каахка.

Часть 5. Гражданка

В 1977 году, в сопредельном государстве Иран, стало твориться что-то неладное. Участились переходы границы, причем в массовом порядке, целыми селениями иранцы перебежали на нашу территорию. Над нашими заставами несколько раз пролетали иранские вертолеты, пока один из них с экипажем из семи человек, не был сбит ракетой на советской территории. Вскоре стало понятно, что происходит – в Иране началась смена правительственной власти. Шах бежал из страны и одна группировка за другой завоевывали власть. Габардинский находился на границе сутками, и лишь один или два дня в неделю он мог провести в семье. А количество домочадцев при этом увеличилось, родилась дочь Юлия, может, поэтому у него заболело сердце. По настоянию врачебной комиссии, Александра комиссовали из армии. Семья решила обосноваться на Украине, пристроив пол дома к уже существующему родительскому.

Прошло несколько месяцев жизни Габардинских в цивилизованном мире. Жизнь на гражданке, там, на границе с экраном телевизора, рисовалась совершенно другой. Она казалась легкой, честной, деловой и рабочей, но далеко все не так было на самом деле. Процветала спекуляция, мздоимство, воровство. Постепенно Любаша проходила науку, как надо жить в городских условиях. Например, чтобы приобрести продукты, которые на границе выдавались по пайку, здесь надо было знать на какой рынок идти и к кому обратиться. За небольшую переплату, можно получить хороший товар. Дефицитные вещи имели тоже свои места распродажи. Чтобы устроиться на работу, нужно дать взятку. Обсуждается это открыто, друзья даже советуют, кому лучше дать и сколько. Возмущаясь в душе, краснея, но с каждым разом все меньше и меньше, Люба училась жить в мегаполисе. Свекровь почти каждый вечер ругала ее за наивность, доверчивость, слишком хорошее отношение к окружающим, предельную отдачу в труде и полное отсутствие наглости. И возможно, Любаша бы привыкла к такой жизни, приспособилась, если бы судьба опять не приготовила для нее очередной сюрприз.

Семья Габардинских жила, как говорилось ранее, в половине огромного дома, в другой половине жили родители Александра: его мать – Лидия Петровна, отец – Владимир Васильевич, шахтер, и две его сестренки близнецы Света и Луиза. Девочки были настолько похожи друг на друга, что Люба так и не научилась их различать, естественно и окружающие тоже. Одной из близнецов легко давались математические предметы при обучении, другой гуманитарные, поэтому при сдаче экзаменов или зачетов они имели привычку меняться между собою именами в классе, а впоследствии разных школах и институтах. Традиционно для Украины, перед торжествами или семейными праздниками заводилась, брага из которой впоследствии изготавливалась первоклассная самогонка для экономии праздничных расходов. Однако, заводилось этого зелья столько, что, как правило, хватало всем быть пьяными или «навеселе» почти две недели. Любаша понимала, что при таком раскладе событий, Александр очень быстро привыкнет к выпивке, поэтому при очередном упоминании самогона, как экономического баланса семьи, наговорила учительнице кучу обидных слов, а на прощанье пообещала сообщить в милицию о самогоноварении. Свекровь озадачилась, да и только, а Люба вообще забыла о сказанном. Однажды утром, перед началом работы Александра, Любаша договорилась встретиться с ним в магазине «Тысяча мелочей» для необходимых покупок по хозяйству. Слегка задержавшись после ночной смены, стараясь успеть к назначенному мужу сроку, она бежала к магазину, месту встречи с ним. Чтобы сократить путь, она решила бежать через сквер. На узкой безлюдной тропинке, прямо возле трансформаторной будки, она остановилась, поправить ремешок на сандалете, слетевший с ноги. Перед нею, как из-под земли появился милиционер и приказал:

- Стоять! Из кустов выскочили еще два милиционера, подошли к Любаше и объявили:
- Вы арестованы!
- За что? – Удивилась Габардинская.

– Разберемся в отделении. – Ответил военный.

Любаше надели на руки наручники и, запихнули в УАЗ, который стоял у входа в сквер. Прохожие горожане с огромным любопытством провожали взглядами синий милицейский «воронок».

В отделении милиции, следуя показаниям задержанной, было сделано несколько звонков по телефону: в паспортный стол, на ее работу и магазин «Тысяча мелочей». После чего военные начали через слово материться и совсем потеряли интерес к Любаше. Даже сняли наручники и извинились за задержание. Однако посидев в следственном кабинете еще с пол часа, Люба поняла, что она помешала милиции задержать настоящих преступников, которых они «пасли» долгое время, которые спрятали в трансформаторной будке ворованные вещи и которых, они, вероятно спугнули, когда задержали ее и проводили до машины. Военные посмеялись над собою и все, вместе с Любашей, вышли на порог заведения. Затем они направились к УАЗ, стоящему возле здания, и предложили Габардинской довезти ее до дома, если она не против. Люба не отказалась. Милиционеры довезли Любашу до самого дома. По дороге, один из мужчин всем говорил, что хочет пить. Поэтому когда подъехали к дому, Любаша предложила всем холодный, вкусный квас и пригласила их в дом. Когда они зашли во двор частного дома, Люба заметила, как метнулась к сараю свекровь, но не придавала этому должного значения. И только когда представители власти напились кваса и ушли, из-за угла дома вышла бледная, вся трясущаяся от злости, разъяренная Лидия Петровна. Свекровь увидела УАЗ полный милиции, вспомнила обещание невестки насчет самогонварения, увидела, что они заходят во двор, а остальное она додумала сама. Помчалась в сарай, где хранились запасы самогона с последнего семейного праздника, и все что, было, вылила в канализацию. Ненаказуемая теперь она смело пошла в дом, и что же? Эта, дрянь, невестка, напоила ментов квасом и все!

– Негодяйка, изошренная в издевательствах девчонка, так жестоко пощекотала нервы, нанесла урон семье таким, бесстыжим образом! – Негодовала свекровь, выговаривая невестке.

Ласковый ответ Любаши:

– Простите меня, просто не подумала об этом, да, и угрозу, сказанную в сердцах, давно забыла.

Еще больше взбесил Лидию Петровну. В конце, концов, доведенная до слез, Любаша закрылась в своей половине дома. Терпение у Любы кончилось, и она твердо решила, что надо забрать детей и уехать отсюда поскорее, вот только, что скажет муж? Вечером, когда все собрались дома, скандал вспыхнул с новой силой, а самым обидным было то, что ее Саша, справедливый и честный, не защищал ее. За три дня Габардинская рассчиталась на работе, купила билеты в Ашхабад, собрала вещи, забрала детей и уехала. Последним вопросом Любы к свекрови были слова:

– Вам не жалко своих внуков оставить без отца? – На что она ответила:

– Внуки будут еще, другие!

После встречи с матерью, мать и дочь проговорили до глубокой ночи. Но жизнь продолжается, время движется вперед и все, что свершается надо надеяться, что к лучшему. На третий день проживания в Ашхабаде, Любаша нашла работу, которая разрешила сразу две проблемы: дочь Юлия обеспечена садиком, а ее мама, интересной работой. Люба устроилась воспитательницей в круглосуточную группу детского комбината. Габардинская очень любила детей, и умело общалась с ними. В игровой комнате детского садика, она соорудила кукольный мини театр. В запасниках методического кабинета нашла наборы кукол к народным сказкам. И почти каждый день, перед детьми, разыгрывалось сказочное представление. Во время прогулки по территории садика, Люба «паровозиком» бегала вместе с детьми. Маршрут передвижения ею был обозначен остановками с необычными и смешными названиями, что-то вроде «Остров Робинзона», «Птичий базар», «Петрушкина арена» и тому подобное. Дети очень полюбили тетю Любу и в ответ, в знак благодарности, приносили ей из дома конфеты и любимые игрушки.

В коридоре на личных ящичках детей, Любаша нарисовала забавные и яркие картинки, каждому индивидуальный рисунок, чтобы дети легко находили свой ящик. Заведующая комбинатом не могла нарадоваться на новенькую воспитательницу и сразу сделала ее своей любимицей. Если Люба просила что-то приобрести для садика краску или игрушки у начальницы, она охотно шла ей на встречу.

Да, с проживанием и работой у Любаши все сложилось, но в личной жизни, она была уверена, все наоборот разладилось. Длинными, темными, южными вечерами, Габардинская думала о муже: «Неужели все, и мы расстались навсегда, неужели действительно, как сказала его мать – внуки не проблема, будут новые». Очень хотелось увидеть мужа или хотя бы, поговорить с ним по телефону, но чувство обиды, внутренней гордости диктовало свои постулаты: «Если ты уступишь сейчас, все простишь и забудешь, то будешь уступать и прощать всегда». А этого Любаше делать не хотелось.

Однако, не прошла и третья неделя жизни беглецов в Ашхабаде, как однажды вечером раздался звонок, а за дверью с чемоданом стоял Александр Габардинский. Теперь течение по жизни изменилось в пользу Любаши. Так, как они проживали в квартире Любиной матери, Александры Сергеевны, то естественно дочь была идеалом, а зять клубком пороков. Постепенно стало понятно, что судьба вновь готовит им крутой поворот. Все шло к этому: и частые семейные ссоры, и нервозность, и личные дела каждого, которые странным образом, независимо от желаний их хозяев, переплетались. Молодые решают покинуть дом матери и свить свое гнездо подальше от своих родителей. Александр по переписке, получил почтовый вызов на работу в город Нижневартовск. Итак, в декабре 1978 года, вся семья в полном сборе, вылетела из Ашхабада в Тюмень.

Часть 6. Сибирь

Габардинские прилетели в Тюмень. Денег с собою взято в обрез, а тут еще непредвиденное обстоятельство – пурга. Самолет не летит день, два. В Аэропорту скопилось много народа, холодно, негде спать, нечего есть. Поняв, что не улететь и на третий день, к тому же, замерзнув основательно, Габардинские решаются уехать в гостиницу и остаться жить в городе Тюмени. Денег со сданных билетов должно хватить на две недели, а там, ну зачем же загадывать, жизнь покажет. В два часа ночи они подъехали на такси в гостинице «Восток». Машина уехала, пока они поднимались по ступенькам здания, и оказалось, что она закрыта вообще на ремонт. Ночь, мороз двадцать градусов, они одни в чужом городе с детьми и не души вокруг. Решили просто идти по улице с надеждой, что попадется какое-нибудь учреждение, куда их пустят, хотя бы погреться. Судьба оказалась к ним благосклонна, через пол квартала еще одна гостиница «Турист». Швейцар впускает семью в фойе. Администратор сжалилась над ними, и, несмотря на то, что свободных номеров не было, поселила их в актовом зале на сутки. Александр съездил в бюро трудоустройства, и к вечеру того же дня у них была своя комната в общежитии и работа. А устроились они на работу в УПТК «Союзтюменьводстрой», Саша водителем автобуса, а Любаша бухгалтером в контору. Коллектив пансиона подобрался дружный и веселый. Зимними вечерами мужчины в коридоре стучали в домино или играли в карты, поэтому, изредка слышалось кукареканье проигравшего. Женщины делились между собою рецептами домашней кухни. Одна крыша «бамовской» постройки соединила семьи семи национальностей, но никто и никогда не делал никаких различий между ними. Наоборот, все жили дружно, как дети одной семьи или люди одного народа. Случалась ссора в чьей-то семье, и все общежитие дружно мирило супругов. Наступал торжественный день и все кучно сидели за общим столом, разделяя радость юбиляра, именинника, или отмечая государственный праздник. Каждый привносил свои обычаи и традиции в общее дело и кухню. Например, молдаванин Жора и его жена, всегда стряпали к столу необычные котлеты, размером с голубиное яйцо, объясняя это тем, что зачем кусать котлеты и складывать на тарелке остатки, когда можно их целиком закидывать в рот. Шутки часто имели национальную окраску, типа того: «Почему молдаванин не ест соленые помидоры?» – Ответ: «Голова в банку не лезет», или вопросы «Армянскому радио»:

– Чем лучше всего предохраняться от беременности?

Ответ:

– Минеральной водой!

Вопрос:

– До того, или после того?

Ответ:

– Вместо того!

Не обошлось и без трагикомичной истории в новогоднюю ночь 1980 года. УАЗ начальника, милостиво предоставленный в распоряжение Деда Мороза, Снегурочки и представителя месткома, Любаша, завершал рейд по развозу детских новогодних подарков по городу Тюмени среди сотрудников УПТК. В последней квартире лихо отплясал Дед Мороз, пропела Снегурочка, прочитала стихи и пожелала всем счастья Любаша. Радостные родители ребенка не остались в долгу, преподнесли подносик с тремя рюмочками коньяка. Это уже, который дом и какое количество рюмочек, все давно сбилось со счета. Но вот покинут гостеприимный дом и следует спешить, время 23 часа, а надо еще забрать в столовой противень котлет и ящик шампанского для новогоднего пиршества, да еще и успеть попасть на пир. Наконец, все загружено, сложено за сидения, и машина помчалась по трассе. До Нового Года 30 минут, а до общежития 15 минут езды. Дед Мороз, Ольга Фатеева, высокая, пышных форм, женщина килограмм на

девьяносто, сидит рядом с водителем, щуплым, килограмм на сорок семь мужичком. Ватная борода, сорванная с подбородка, висит на ее шее, и она беспрестанно подгоняет шофера:

– Леша, ты же можешь ехать быстрее! Давай гони! – Леша отвечает:

– Зима, не лето, лед на дороге. – А Ольга за свое:

– Сам говорил, машина у тебя ласточка, так летим!

Шофер, прижавшись к стеклу, которое от мороза почти все затянуло узором, осталось лишь небольшое окошечко, как в дзоте, зашептал:

– Ну, ласточка, не подведи.

Однако ласточка подвела, за один километр до общежития она вдруг закрутилась, как юла на дороге, затем выскочила на обочину, перевернулась два раза, и плавно заваливаясь на один бок, легла в снег. У Деда Мороза от искры вспыхнула ватная борода. Ольга неистово визжала. Любаша и Снегурочка не могли разобраться, где, чьи ноги и руки, да еще, разбитое сладкое шампанское заливало их пенной струей. Вообще не понятно, каким образом, сорока-семикилограммовый Леша, меньше чем за минуту, вытащил из УАЗ девьяностокилограммового Деда Мороза с горящей бородой и начал ритмично погружать лицо Ольги в снег. Люба и Снегурочка продолжили попытку разъединиться и вылезти из машины, прерванную наблюдением за вышеописанным зрелищем. Через, полчаса, попутный грузовик, вытащил на трассу «ласточку» тросом и притащил машину и всю веселую компанию до общежития. По команде, выставленного дожидаться шампанского, дежурного, почти все конторские работники предприятия, встречавшие Новый Год на базе, высыпали во двор. Их взору предстал помятый, без стекол УАЗ, и вылезаящая из него печальная компания: Дед Мороз с черной бородой, усыпанная котлетами, в местах скопления ваты, мокрая Снегурочка и Любаша мокрая, понурая, прихрамывающая. Весь вечер над ними потешались и подтрунивали кому не лень.

Уже более семи месяцев Габардинские жили в Тюмени без самых необходимых вещей. Кое-что из посуды Любаша выпросила у коменданта общежития, постельные принадлежности тоже, но не было кровати, стола, стульев и шифоньера. Однажды в отделе снабжения, болтая с Лепешкиной Татьяной, она узнала, что та не хочет лететь в город Ашхабад за бетономешалками, а начальник настаивает. Габардинская пошла к начальнику и выпросила у него эту командировку в Туркменистан. Съездить в Ашхабад и отправить оттуда контейнер с домашними вещами, было уже просто необходимо. Время года было летнее, и поэтому с авиабилетами, как всегда, напряженка. Фирма выдала забронированный билет Любаше только до Ташкента, а там Габардинская надеялась купить авиабилет местных линий до Ашхабада. Утром, прилетев в город Ташкент, Любе удалось приобрести авиабилет только на следующее утро. Она сдала чемодан в камеру хранения, и весь день гуляла по городу. Посетила минареты, музеи, отдохнула в парке, ближе к вечеру поужинала в кафе и вернулась на аэровокзал. Так, как не в одной из гостиниц свободных мест не оказалось, Любаша решила переночевать на лавочке в зале ожидания аэропорта. Это здание в Ташкенте выстроили недавно. Двухэтажный вокзал весь из стекла и бетона. Красиво оформлены просторные залы ожидания, кафе, магазинчики, всевозможные закусовые, везде живые цветы и пальмы в кадках. В подвале помещения большая камера хранения. На первом этаже выходные терминалы на посадку к самолетам. Габардинская на ночь устроилась на двух стульях в зале ожидания, возле пальмы. От любопытных глаз прикрылась развернутой газетой и уснула. Ночью ее разбудила молодая, красивая блондинка. Женщина была хорошо одета и вся блеснула золотыми украшениями: в виде колец, сережек и золотого кулончика сердечком на цепочке. Но от Любаши ей понадобилось место рядом. Слепленная блеском золота незнакомой блондинки, Люба окончательно проснулась и подвинулась. Рядом с женщиной стояли два таксиста в униформе, узбеки, они держали под руки совершенно пьяного мужчину, как Любаша сразу решила, мужа этой шикарной блондинки, а в свободной руке держали по одному, приличных размеров чемодану. Блистательная дама указала узбекам на место, освобожденное только что, и таксисты свалили на стул мужчину.

Жена заботливо усадила его поудобнее, и ушла вместе с таксистами, оставив возле мужа два больших чемодана. Любаша несколько раз пыталась уснуть снова, но сидя это было сделать сложно, голова опускалась на грудь и она просыпалась. Очередной раз, выйдя из дремы, она опять увидела знакомых таксистов узбеков, но без женщины. Они забрали чемоданы, и вышли из зала. Люба подумала: «Странно, они забрали чемоданы, но оставили мужчину». Прошло еще несколько минут. Люба опять задремала и опять проснулась. Теперь перед нею стояли офицер милиции и солдат срочной службы МВД. Офицер, капитан, спросил:

- Вас ограбили?
- Что?! – Переспросила Любаша спросонья.
- У вас украли чемоданы.
- Не может быть!

С этими словами Габардинская вскочила с места и ринулась к камере хранения. Люба просто не расслышала в голосе капитана вопроса. Офицер поспешил за нею, спрашивая на ходу:

- Куда, вы, несетесь?
- В камеру хранения.
- Зачем?
- Но, вы, же сами сказали, что у меня украли чемодан! – Проговорила она и остановилась.
- Я не утверждал, а спрашивал, и потом, из камеры хранения что-то украсть проблематично.

– Но, тогда зачем вы ко мне пристаёте? – Спросила Люба, а офицер явно начинал сердиться:

- Я к вам не пристаю!.. Как вас зовут?
 - Маша! – Габардинская рассердилась окончательно.
 - Тогда я, Иван! – Ответил капитан, он повернулся к солдату и приказал ему:
 - Походи по залу ожидания, она должна появиться.
- Затем вновь обратился к Любаше:
- А, вас, Маша, прошу пройти в отделение милиции.
 - Что, я такого сделала?
 - Там и выясним, Маша. – Ответил офицер.

Довольно скоро они вошли в комнату, на дверях которой было написано большими красными буквами «Милиция». Капитан открыл ключом дверь и пропустил первой в помещение Любашу, указывая ей рукой на лавку, стоящую возле большого канцелярского стола, сказал:

– Присаживайтесь. Я, капитан милиции, Соловьев Станислав Степанович, прошу вас представить мне ваши личные документы.

Любаша уселась на лавку, расстегнула сумочку, достала из нее паспорт, с вложенным в него командировочным удостоверением, и протянула Соловьеву. Тот, довольно долго и внимательно разглядывал документы и наконец, заговорил:

– Прошу прощения гражданка Габардинская Любовь Васильевна, мне сообщила по телефону женщина, что ее ударили по голове, ограбили, забрали все деньги и сняли с нее драгоценности. Она боялась, что воры поднимутся в зал ожидания и заберут чемоданы. Еще она сообщила, что будет ждать нас возле пальмы в зале ожидания, как раз там, где вы и сидели.

- Да, конечно, я очень похожа на стукнутую по голове. – Связвила Люба.
- Представьте себе, да! Вы пошатывались из стороны в сторону. – Парировал офицер.
- Я просто пыталась уснуть. В гостиницах нет мест, а у меня утром самолет.

– Я, извинился.... – Он хотел сказать, что-то еще, но дверь распахнулась, и солдат завел в кабинет женщину, ту самую блондинку, уже знакомую Любаше, которая оставила пьяного мужа и чемоданы возле нее. Теперь ее лицо было залито кровью, и проглядывалась рана на

голове слева. Габардинская встала, уступая даме лавку, и собралась уходить, как вновь услышала от капитана:

– А, вас, Любовь Васильевна, я попрошу остаться.

Люба взяла стул и села с другой стороны стола, напротив блондинки. Раненая женщина начала говорить, часто прерываясь, вытирая лицо носовым платком, и всхлипывая. Зашла медсестра с бинтами и флакончиками и приступила к обработке раны на голове блондинки. А пострадавшая все продолжала говорить. Из сказанного ею, Люба поняла следующее. Один из двух таксистов, что помогли ей принести чемоданы и затащить мужа в зал ожидания, выказал даме знаки внимания, настолько явно и активно, что она решилась выйти с ним из здания и сесть в его машину. Он стал ее обнимать и целовать, когда второй сзади ударил ей по голове, и она потеряла сознание. Очнулась блондинка в кустах вечнозеленой растительности, недалеко от аэровокзала, без денег, колец на руках, сережек в ушах и прочих драгоценностей. Она добралась до телефона автомата, позвонила 02, очень боялась за чемоданы, оставленные в зале ожидания, поэтому и велела милиции сразу идти туда, а сама опять потеряла сознание. Выслушав пострадавшую женщину, офицер дал ей протокол опроса для прочтения и подписания, а сам обратился к Габардинской:

– Вы должны были видеть этих таксистов. Вы, их видели?

– Да, я их видела. Сначала они принесли мужчину, чемоданы и ушли вместе с этой женщиной. Потом, пришли снова и забрали чемоданы.

Станислав стал писать протокол теперь со слов Любаши, на что она возмущенно сказала:

– Совсем нет желания здесь расслаживаться. Я не спала всю ночь и хочу хоть немного отдохнуть.

Капитан успокоил Любашу, обещал, что протокол не займет много времени, зато потом он отведет ее в гостиницу служебный номер, где она сможет спокойно поспать. Все так и произошло. Станислав привел Любу в гостиницу, долго прощаясь, стоял в дверях номера, говорил всякие приятные глупости, но, так и не дождавшись разрешения войти, ушел. Любаша закрылась, оставив ключ в двери, и легла спать. Командировка прошла удачно. Габардинская выбила положенные им по разнарядке бетономешалки. Успела, и отправить контейнер с домашними вещами в Тюмень, навестить знакомых и еще день погостить у матери. Без приключений вернулась на работу. Через месяц на ее имя пришла повестка явиться в районное отделение милиции свидетелем. Пришлось Любаше рассказывать мужу ташкентскую историю с блондинкой, объясняя причину вызова, умолчала она только о гостинице и служебном номере. Александр переварил сказанное и изрек:

– В отделение с тобою пойду и я.

– Хорошо. – Согласилась Люба.

Через день они явились по повестке в отделение милиции, зашли в следственный кабинет вместе. За столом сидел Соловьев Станислав и широко приветливо улыбался Любаше, как старой хорошей знакомой, жестом предлагая войти, приветствовал ее:

– Ну, здравствуй, Машенька! Очень рад видеть, прошу.

Затем обратился к Александру:

– А, вы, мужчина, пока выйдите за дверь.

У Габардинского заметно изменилось выражение лица, он сурово свел брови, и уже собрался достойно ответить наглецу, но Любаша, испугавшись, что капитан допустит еще какую-нибудь вольность по отношению к ней, вступила в разговор:

– Иван, я пришла не одна, со мною мой муж и он хочет быть в курсе всех событий по этой повестке.

Она подошла к столу и положила листок бумаги перед капитаном. На секунду он опешил, его взгляд выражал явное неудовольствие и досаду, но довольно быстро капитан взял себя в руки и продолжил:

– Хорошо. Я привез фотографии, из всех вам предстоит выбрать тех двоих преступников из аэропорта, разумеется, если они здесь есть. Сейчас я приглашу еще двоих свидетелей, ваш муж будет третьим, и начнем процедуру.

Когда официальная часть опознания прошла, Станислав вывел всех из кабинета, кроме Любаши. На возмущение Габардинского, капитан ему ответил:

– Так надо, должен понимать.

Когда за всеми закрылась дверь, Станислав обратился к Любаше:

– Не желаешь встретиться со мною неофициально, Любочка?

– В смысле? – Не совсем поняла намек женщина.

– Сходим в ресторан, полежим в кровати, я холостой, а ты мне очень нравишься. Приходил к тебе тогда в гостиницу, но ты ключ оставила в двери, не смог открыть, а ведь очень хотелось. Вот только из-за тебя и приехал, они ведь во всем сознались, да и потерпевшая их опознала.

Люба удивилась потоку красноречия милиционера, и, ухмыляясь, ответила:

– Вы, что со всеми спите, кого допрашиваете из женского пола?

– Ну, разумеется, нет.

– Почему тогда с таким вопросом обращаетесь ко мне? Очень похожа на шлюшку? –

Спросила она, подходя к двери.

– Да, совсем не похожа. Ну, извини, если тебя чем-то обидел. До свидания.

Люба рывком открыла дверь кабинета и ее муж, Габардинский, чуть не упал в комнату.

По дороге домой, Александр настойчиво требовал от Любаши ответов:

– Почему он назвал тебя Машенькой?

– Потому, что я так ему представилась сначала.

– Почему ты назвала его Иваном?

– Потому, что он мне так представился сначала.

– Если бы я не слышал последний ваш разговор о гостинице, был бы уверен, что ты с ним переспала.

– Уверен? – Любаша нарочно начинала цеплять больную струну в характере своего мужа. Он был очень ревнив. К своей жене относился, как к своей личной собственности, дорогой и любимой. В ответ на двусмысленное изречение, он разразился потоком обидных слов к Любаше и женщинам вообще. Люба загадочно улыбалась, выслушивая обидные слова своего мужа, чем еще больше бесила его. Наконец, он остановился, посреди, улицы, схватил Любашу за плечи и громко спросил:

– Так, ты спала с ним? – На что Люба ответила:

– Саш, ты меня достал, если ты мне не доверяешь, а тем более, не веришь, то зачем живешь со мною? Может нам лучше развестись?

– Вот, всегда так! Я, вроде, дурак, а ты, умная! Ты ведь злишь меня нарочно, зачем ты это делаешь?

– Все, успокойся, люди косятся, стыдно, идем домой.

Но окончательно успокоится, Габардинский мог только после того, как традиционно опрокидывал сто грамм водочки в желудок. Сразу добрел и начинал возиться с детишками.

Часть 7. Работа

Четыре года прожито в общежитии, в одной комнате, где находится все: кухня, кабинет, зал, спальня и коридор. Жить в таких условиях не просто, а когда появился еще один сын, Василий, стало просто невозможно так существовать. По роду своей работы, бухгалтером, на базе «Союзтуменьводстрой», Любаше часто приходилось выезжать в села и деревни по всему Тюменскому району на проверку смет расходования труб и оросительной техники, если требовался постоянный полив данного участка, или исполнения смет отводных каналов, если надо было осушить заболоченное место. Однажды, добираясь до поселка Нариманово, который находился в шестидесяти километрах от Тюмени, сломалась служебная машина, водитель стал ее ремонтировать, а Люба решила добраться до места попутным транспортом. Села в автомашину «КРАЗ» – тягач, сзади на платформе которого, находился экскаватор, а водителем был совсем молодой парнишка. Попутчики разговорились. Парень рассказал о поселке, в который они ехали, рассказывал о людях, живущих там, о своих родителях, о любимой девушке. Любаша слушала. Вот уже виден последний поворот, за которым, через редкий лесок, проглядывают и дома подсобного хозяйства Треста «Главтуменьнефтегазстрой», как, вдруг, парень затих, слегка упала скорость движения, а шофер начал хрипеть и вытягиваться по кабине. Любаша посмотрела на него и обомлела от ужаса. Лицо у парня посинело, глаза закатились, изо рта, сквозь оскаленные зубы, пузырилась пена. Сам он вытянулся в струнку, руки крепко держали сидение, а ноги упирались в педали кабины, где-то между рычагами. Машина продолжала движение, и уже стало очевидно, что в поворот дороги этой махине с экскаватором не вписаться. Габардинская схватила руль и стала пытаться управлять машиной сама, стараясь вписаться в поворот, хотя бы по обочине. С большим трудом ей это удалось, но машину все равно стягивало в кювет, к тому же, нога водителя, застрявшая между педалями, не давала ей возможности остановить махину. Лихорадочно думая, что же делать, Люба увидела брелок с ключами, висевший в приборной доске КРАЗ, повернула ключ зажигания. Машина стала странно дергаться по инерции и через некоторое время, все же остановилась, почти совсем съехав в кювет. Парня сводили конвульсии, из горла раздавалось странное бульканье, тоненькая струйка крови стекала по подбородку, от прикушенного кончика языка во рту. Любаша выпрыгнула из машины, открыла дверь со стороны водителя, и приложила огромные усилия, чтобы вытащить парня из кабины. Она уже поняла, что шофера бил припадок эпилепсии, по ранее пройденным курсам медсестер, знала, что больному нужен свежий воздух, наклон головы, достаточный, чтобы он не задохнулся пеной слюновых желез, и массаж мизинца пальца левой руки. Всем этим она и занималась, когда подъехал житель поселка на мотоцикле. С ним вместе она загрузила парнишку в люльку мотоцикла и приехала в поселок. Любаша отправила беднягу в медпункт, а сама направилась в контору подсобного хозяйства «Восход», где встретила с директором совхоза, в котором производились работы по осушению земель. Директор, Павлов Николай Никитович представил ей агронома, дал свой УАЗ и, не теряя времени, Любаша выполнила работу, ради которой и приехала сюда. К вечеру, так как транспорт оставленный ремонтироваться на дороге, еще не прибыл, директор пригласил Любашу к себе домой в гости и на ужин. Там она познакомилась с семьей директора. Его женой Надеждой, учительницей русского языка средней школы поселка, и тремя детьми, старшей дочерью Оксаной и двумя погодками сыновьями Вовой и Андреем. За ужином в непринужденной обстановке, и директор совхоза, и директор школы, его жена, жаловались Любе на нехватку специалистов в поселке. Список людей срочно необходимых хозяйству по специальностям оказался внушительным, а когда Павлов узнал, что муж Любаша автокрановщик, водитель автобуса, да еще и музыкант, он откровенно признался – был бы рад видеть их семью, живущими здесь. Люба жаловалась Надежде на тесноту и неуютность житья в общежитии, о том, что каждое утро надо везти детей

в Тюмень, кого в школу, кого в садик и это занимает много времени. Выслушав Любашу, семья Павловых, уже просто уговаривали довольно настойчиво Любу переехать жить в Нариманово, для работы в совхозе. Когда приехал водитель на отремонтированной машине за Габардинской, директор подсобного хозяйства. Павлов, передал Любаше ключ от недостроенного коттеджа в поселке со словами:

- Вот вам ключи и две недели на раздумья, если надумаете жить – милости просим!
- А, если не надумаем? Я ведь не могу решать за мужа. – Ответила Люба.
- Ну, если не решитесь, будет, просто жаль.
- А, ключи?
- Не думайте об этом, мы просто поменяем замок в двери.

Дома, на семейном совете, все единогласно решили переехать жить в поселок, трехкомнатный, правда, недостроенный еще коттедж. И вот семья Габардинских уже живет в поселке Нариманово. Поселок строится, но строительство близко к завершению. Поселение компактное, уютное, есть школа, садик, клуб, торговые комплексы и жилые каменные дома на любой вкус, начиная с одноквартирных, крохотных домиков и кончая двухэтажными, пятиквартирными коттеджами. Огромная производственная база, корпуса свинокомплекса на 3000 голов, коровники около 1000 голов, комплексы для содержания молодняка на 2000 голов, пасека, табун лошадей и поля, забойные цеха, переработка, колбасный цех, даже завод по производству комбикормов и АВМ. Жилые дома финской сборки, обложенные кирпичом, сдаются хозяйину недостроенными, и каждый доделывает сам свой дом, по предложенному проекту, как ему нравится. Но все домашние неурядицы и заботы с лихвой компенсировались общением с жителями поселка. Казалось, что со всего Союза сюда съехались энтузиасты, оптимисты, веселые, счастливые, неунывающие люди. В праздники, которые тщательно готовились, они были все вместе, без рангов и различий. Свиновод и инженер, директор и доярка, готовили наряды, разучивали песни, делали сатирические и юмористические сценки из жизни поселка на более ярких ее обитателей. На работе встречались, как друзья, но спрос к выполнению работы, был, однако, очень строгим. Вот, как прошел вечер отдыха, посвященный «Дню работника сельского хозяйства» в 1983 году.

В семь часов вечера, в клубе, с банкета, начался торжественный праздник. Всех присутствующих, своим низким, грудным голосом, поздравил с праздником директор совхоза Павлов. Успели еще выступить главный зоотехник Лукин и главный инженер Орлов. Подогретые обилием спиртного, присутствующие становились все более неуправляемыми. Возле школьной доски толпится шумная компания. На доске изображена корова, но без хвоста. Задание участнику игры, с закрытыми глазами, после оборота в 360 градусов, прикрепить хвост на присоске в нужном месте. Каждый из игроков уверен, что сделанное им крепление верно, но свист и смех, причина ошибки. Действительно очень смешно смотрится корова без хвоста, но с бородою. В стороне кружок работников играют в фанты, а молодежь у выхода крутят бутылочку. За банкетным столом остались фанаты песен. Александр играет, и хор дружно поет народные и популярные песни. В пять часов утра, а вечер еще продолжается, к входной двери подъезжает «Трумен» с наращенными бортами, заполненный сеном. Предстоит поездка за клюквой в сторону Решетниково Свердловской области. Все желающие собирать ягоду, уже в пути. Пока была хорошая погода, немного поспали, зарывшись в солому. Но вот пошли кочки и качка. Теперь все проснулись и просят спеть Людмилу Надбайло. Чуть моложе сорока лет, симпатична женщина, обладательница сильного красивого голоса, а по жизни хохотушка никогда не унывающая. Она поет, все затихают, прислушиваются. Песня набирает силу, звучит в утреннем, морозном воздухе, оседает на замерзающих травинках, уже прозрачных, но еще зеленых, хрустальным звоном. В семье у Людмилы постоянные конфликты, муж любит выпить и частенько прикладывает руку к ней, но сегодня она мстит ему, мстит своей неудавшейся жизни звонкой песней, раскрепощением души. Рядом с Надбайло сидит Кузнецова Александра, жен-

щина под пятьдесят лет. Она точно испытала много чего в жизни, но со временем замкнулась в себе, своей семье. Жадность сделала из нее своего раба. Взять, что плохо лежит, даже если и не надо, ее беда и радость. Даже воспитанием своих детей, тратиться на них, она уже не может, сдала их в интернат, как одинокая мать. Напротив Любаша, Татьяна Мухина. Молодая красивая женщина, хорошо знающая себе цену. Своеобразна, кокетлива, легко сможет слукавить, иногда раздражительна. Какие разные люди, какое их многообразие и всем, без исключения, свойственно ошибаться. А вообще-то жизнь кажется, наконец-то, обкатала Любашу. Она старается не лезть, куда не надо, какое ей дело до того, что кто-то принес с фермы домой комбикорма или поросенка. Она даже начинает склоняться к мысли, что воровство оправдано. Похитили с фермы свинью, отвезли в город мясо, привезли глубинный насос, необходимый в хозяйстве, который другим способом нигде не найдешь. Едет Люба на машине за ягодами, и думает: «Как же так получилось, что в социалистическом мире, когда все вокруг твое, когда ты вроде бы и свободен, а на деле закрепощен. Живи так, как диктует тебе общество. Блага даны не всем, правами воспользоваться, вероятно, не получится. Явно только одно: видишь, как начальство ворует – молчи, перепадет и тебе; закричишь – потеряешь и то, что имел. Кто у руля? – Коммунисты, а туда ли ведете? Хочется жить честно, и при этом хорошо одеваться, кормить нормально семью, отдыхать на курортах, вообще полноценно жить. Но ничего шикарного не получается, денег хватает только нормально жить».

Поездка длится уже более часа, все стали замерзать, заежились, и тут раздался голос Анны:

– Ну, что, будем греться? Есть самогон, кому требуется, подавайте тару.

Немного разогрелись, а Людмила Надбайло опять затянула душевную и очень длинную песню «При лужке». Через минуту, всеми подхваченная песня, ворвалась в спящую деревню Решетниково. Проезжая по деревне, уже не пели, а орали, чтобы показать себя решетниковцам. Вот и болото. На сбор ягод четыре часа. Любаша ходит по болоту. Когдаходишь к кочке такое ощущение, что кто-то рассыпал яркие красные бусы. Листочков не видно, лишь стебелек ниточка, и только ягода блестящая, большая лежит на мху. Ягод много, но за четыре часа Люба набрала ведро, а ее спутницы по два, видимо, во всем нужна сноровка. Обратнженщины едут уставшие, притихшие, петь уже не хочется, а Любашу опять одолевают непонятные мысли: «Почему так меняется общество? А может быть, оно и было таким всегда? Ведь мне известно прошлое России и моих предков из книг, кино, передач по телевизору, где все отредактировано ведущей партией, а пороки умалчиваются. К примеру, мой сосед, главный зоотехник, Лукин. Этот ворует открыто и дружба с ним престижна. Его жена главный бухгалтер. Проснешься утром, а у соседа вместо белого бычка на 60 килограмм, бегают черные, на 120 килограмм, за ночь подрос и цвет сменил заодно. На животноводческих комплексах нет возрастных групп, учитываются одни головы, бери стокилограммовую свинью, а вместо нее считай новорожденного, и все сойдется. Может всегда, и были в почете люди, умеющие наживаться на ошибках, просчетах и ротозействе других? Строить себе карьеру деньгами и лестью, иметь громадную власть над обществом, не имея при этом даже ума. А что же мы, исполнители? – ничего не можем. Этот вор, кормит вора старше по чину, в министерстве, а сам министр переставляет человеческие фигурки, как на шахматной доске, совсем не по уму и способностям последнего, а исключительно по воле вора, принимая от него очередное подношение». Вот такие мысли одолевали Габардинскую во время всей поездки.

Постепенно сближаются семьи Габардинских и директора совхоза. Любаша восхищена Павловым. Человек очень грамотный, тактичен и умен, общителен, любит пошутить, великолепно играет в шахматы, да еще и приятен внешне. Прекрасный и простой человек, и его жена. Надежда и Люба часто общаются вместе, помогая друг другу по хозяйству и советами. Вместе, семьями заготавливают сено скотине, после скошенной трактором травы, сгребают его, мечут в копны. А потом, все уставшие, во время десятиминутного отдыха, лежат в сене, шутят и

рассказывают анекдоты. День кончался, солнце закатывалось за горизонт, выплывает большая, белая и печальная луна, когда они бросали работу и брели домой. Даже парились все вместе в одной бане, сначала мужчины, потом женщины, а потом дружной толпой пили пиво, чай из самовара, или тархун, газированный напиток из крапивы, играли в шахматы, карты, или все за одним столом в лото.

Так проходили дни за днями, месяцы и годы. У четы Габардинских появился еще один сын, Вовочка. Любаша закончила заочно институт, и работала уже заместителем главного бухгалтера, а Александру доверили руководство техникой, он стал заведующим гаражом. Все течет, все изменяется. Директора совхоза перевели на работу в Трест, и их семья уехала жить в город Тюмень, за ним следом уехал и главный зоотехник Лукин. Произошли изменения и в руководстве хозяйства. Новый директор подсобного хозяйства приехал из Белоруссии вместе со своей семьей, женой и дочерью, Егоров Иван Иванович. Любашу утвердили в Тресте, новым главным бухгалтером хозяйства. Жизнь продолжается. Любовь Васильевна к своим тридцати семи годам пришла располневшей, но весьма еще обаятельной женщиной. Неизменными в ней, по-прежнему, оставались только пышные кучерявые волосы, да тактичный, когда надо настойчивый характер. Способная любить искренне, но прекрасно владеющая своими эмоциями, Любаша давно сделала для себя открытие в отношениях с мужчинами, внимания с их стороны всегда было достаточно. Как правило, кавалеры нетерпеливы, а время обязательно покажет изъян в характере, манерах или действиях, надо только повнимательнее приглядеться к очередному ловеласу. Это открытие помогало ей не увлекаться мужчинами и оставаться верной мужу. И только к одному человеку в ее душе всегда было непонятное влечение – Павлову. Она могла бы сказать сама себе, что любит его, но знала точно, что он очень сильно любит свою жену и свою семью. Вновь прибывший директор совхоза, Егоров, видный мужчина сорока лет, с первых же дней появления в конторе, внимательно, с заботой относится к Любаше. Часто вызывает к себе в кабинет, советуется и всячески старался обратить на себя внимание. Но Люба делает вид, что она этого не замечает. После многозначительных намеков и попыток объяснить, Егоров, однажды, вызвав Габардинскую к себе в кабинет, заговорил напрямую:

– Ты не могла бы стать моей любовницей?

Любаша удивилась, но не сильно. Она давно заметила флирт директора, и ответила:

– Нет.

– Почему, скажи, мне очень важно это знать? – Продолжал директор.

– Ну, во первых, есть человек, который мне нравится. Во вторых, совершенно не знаю вас, и тем более, ваш характер. А потом я замужем, и у меня четверо детей, думаю, что заботиться о них, вам точно не захочется.

Таким образом, получив отказ у Габардинской, Егоров направил всю силу и изобретательность в своих ухаживаниях за новым зоотехником, Волковой Людмилой. Молодая, двадцати пятилетняя женщина белокурая, худенькая и милая, всегда следит за собою, со вкусом и модно одевается, с веселым нравом, врожденным чувством юмора, любительница шутки. Она зажгла сердце директора и закрутила им. По натуре очень энергичный, обладающий бульдозерным характером, Егоров, сорвался. В новогоднюю ночь, доведя жену до истерики, она босиком в сорокаградусный мороз, убежала из дома, он вызвал к себе домой Людмилу. Пытался объясниться, но, увы, опять потерпел фиаско. Себялюбивый и мстительный директор стал преследовать неприятностями слабый пол. Много раз пытался скомпрометировать Габардинскую, но безуспешно. На балансе совхоза числилось оборудование теплиц на триста тысяч рублей и всевозможные строения на миллион рублей. По факту же в хозяйстве не было ни того, ни другого. Все эти огромные недостатки висели на балансе совхоза уже много лет, еще вообще до приезда Любы на работу. Не надо быть большим умником, чтобы понять, куда же действительно делись строительные материалы и оборудование теплиц, стоит только обратить внимание на дачи многих руководящих работников Треста и Главка. Директор всем докладывал о

нарушениях и приписках в балансе, делая акцент, что главный бухгалтер наверняка причастна к этому хищению. Любаша и сама понимала, что цифры на бумаге не отражают действительности, и она решилась. Поехала сразу в Главк, нарушив субординацию, ей следовало обратиться к главному бухгалтеру Треста. Коровин Иван Федорович, главный бухгалтер «Главтюменьнефтегазстрой», был депутатом к тому же добрейшим, но принципиальным и честным человеком. Выслушав Габардинскую, проверив ее слова документально, он согласился, что с этим перекосом надо что-то делать. Одновременно со списанием несуществующих объектов, главный бухгалтер Главка предложил Любаше провести полную инвентаризацию всего имущества подсобного хозяйства и пообещал свою помощь в этом. На очередном собрании бухгалтеров со всех подсобных хозяйств. Главка, Коровин поставил в пример действия Габардинской, как полезные и необходимые для хозяйства. Инвентаризацию было провести совсем нелегко, поля и сенокосы совхоза разбросаны до 250 километров от поселка Нариманово.

В конце лета, желающие выехать в Нижнетавдинский район за брусникой, рано утром выехали на автобусе. Через час, прибыв на место, сборщики ягод рассыпались по лесу. Любаша только принялась за сбор ягод, как услышала свою фамилию, ее звали. Оказывается, ее искал главный инженер Главка, Токарев Юрий Киприянович, для того, чтобы провести с нею инвентаризацию техники, строений и прочих основных средств в урочище «Лайма», где находились основные сенокосные угодья подсобного хозяйства.

Часть 8. Любовь

Больше часа Токарев с Габардинской добирались до урочища «Лайма», сменив два вида транспорта. Гусеничный тягач «ГАЗ-71» мчит по болоту. Любаша сидит в кабине рядом с главным механиком Главка, на голове которого одета смешная шапочка, а поверх ее наушники. Грохот действительно сильный, разговора точно не получится. Приехали до места. Лязг прекратился. Перед ними раскинулся чудесный, сибирский разнотравный луг. Трава выше пояса, яркие, пахучие, но уже отцветающие полевые цветы, кланяются им и шепчут. Воздух – головокружительный аромат. У Любашы появилось настроение, и на щеках вспыхнул румянец. Шапочка в кармане, штормовка расстегнута, уже больше часа переписываются основные средства, сличаются номера по паспортам. Зашли в сборно-щитовой дом, выстроенный для сеного совхозного десанта. Внутри грязь, по полу разбросаны окурки и пустые консервные банки, хлеб, буханок десять, небрежно сложенный в углу, покрыт черной плесенью. Зрелище, ущемляющее достоинство нормального человека, ведь здесь жили люди, деревенские люди, возможно ли такое отношение к хлебу? Токарев поясняет, что работники, как правило, были почти всегда, выпивши, и им точно было не до хлеба. Но все равно, это человеческое свинство занозой сидит в сознании Любашы, просто стыдно за своих работников. Наконец работа завершена, разошлись сторожа, и Токарев с Габардинской остались одни.

– Хотите есть, присаживайтесь. – Предложил Юрий.

– Действительно хочется есть. – Ответила Любовь.

Горячий кофе из термоса, бутерброды, обед завершен. Оба молчат, но Токарев смотрит на Любашу с нескрываемым интересом. Молчание затянулось, Юрий вроде как нечаянно дотронулся до руки женщины. Она отдернула руку, засунула ее в карман и тихо сказала:

– Отвезите меня туда, где взяли.

И вот, сменяя один вид транспорта на другой, они едут обратно. Они не молчат, разговаривают о жизни, работе, своих семьях и интересах. Оказалось, что они очень похожи по характерам, имеют схожие интересы и легко, непринужденно, общаются друг с другом. Приехали, Юрий открывает дверку машины со словами:

– Очень жаль, что вы не захотели остаться, Любовь Васильевна.

– Мне и самой жаль, если честно. – Отвечает Любаша.

Габардинская действительно жалела о завершении общения с главным инженером. Он ей очень понравился по всем ее критериям, и внешне и душой. Прожить треть жизни, не вкусив запретный плод, могут лишь исключения. Она же обыкновенный порочный человек, полный ошибок и противоречий. Отношения с мужем давно потеряли остроту ощущений и больше напоминают ей исполнение своих прямых обязанностей. Долг перед семьей, детьми, как цепь на шее собаки, держит женщину возле дома. Та мысль, что жизнь уходит с каждым днем, а сегодня она так однообразна, что ее невозможно ни с чем сравнить, просто другой не дано, подталкивает Любашу на тайны и пороки. Не прошло и месяца от последней встречи Токарева и Габардинской, а они опять вдвоем, они опять в пути. Едут в Миасс с очередной инвентаризацией, в бригаду рыбаков, обосновавшихся на берегу реки Оби. Теперь на Любаше вязаная шляпка, модное пальтишко, из микровельвета брючки. Она щебечет, не умолкая, влюбленная и счастливая. УАЗ встал на сигнальный пятачок на одном берегу реки, а с другого берега, навстречу им уже скользит катер. Разбегаются волны холодные и темные в этот день поздней осени. Глядя на речку, Люба думает о муже. Семнадцать лет прожитых вместе сделали их родными и очень близкими людьми. Иногда даже не нужно говорить друг с другом, взгляд выражает больше и искренней. Пожалуй, они счастливы, у них четверо детей, которым они стараются уделять много времени и внимания. Но один недостаток, существенный, у Александра все, же есть. Он любит выпить. С каждым годом все больше и чаще. Постепенно водка

заняла в его жизни главенствующую роль, лишь любовь к жене и детям держит его от срыва в работе, жизни и душе. Сейчас вспомнилось ей, как однажды пришлось ей драться с собственным мужем, отстаивая свои человеческие права и желания. Тогда эта драка длилась больше часа и с шуточных ноток переросла в настоящее побоище, с синяками. И все-таки она отстояла свое мнение и заставила мужа считаться с ней. В их семье любят и ценят шутку, иногда они состязаются в юморе друг с другом, заряжаясь при этом бодростью. Любаша задает себе, в свете новых событий в ее жизни, извечный вопрос: «Хочу ли я оставить мужа?» и сама же отвечает на него: «Нет, никогда». Вот рядом с нею поклонник, умный, вежливый, влюбленный, а Любаша хочет найти в нем изъян, примечает все, как говорит, о чем говорит, отношение к людям. Нет, определенно, он ей нравится.

К вечеру окончена инвентаризация, небольшой ужин в доме бригадира рыбаков, Павлушкова, а потом предстоит дорога домой. Токарев воспользовался случаем, когда он и Люба остались одни, Анна, жена бригадира, ушла с тарелками на кухню, и шепнул ей:

– Давай останемся здесь ночевать, я немного выпил.

– Нет, я должна вернуться домой. – ответила Любаша.

Когда они отправились домой, на крутом берегу Оби, Юрий еще раз в надежде остался. Он смотрел на нее так, как смотрит мужчина, желающий овладеть объектом своих мечтаний. И она прекрасно это поняла. Они долго и страстно целовались, и все-таки поехали дальше. Люба пошла по обычному и испытанному ею пути, проверить свое чувство временем.

Смею напомнить читателю, что подсобное хозяйство, где работала Кабардинская главным бухгалтером, принадлежало «Главтюменнефтегазстрой» и было выстроено Главком исключительно для нужд работников корпорации по всей тюменской области. В хозяйстве имелись цеха для переработки выращенной мясопродукции: забойный, колбасный, копильный. В основном, свою готовую продукцию Главк отправлял на север, к местам нефтяных и газовых разработок ведомственных организаций. Однако, сами представители и работники Главка очень хорошо знали дорогу в подсобное хозяйство, частенько навевались туда за очередной порцией деликатесной продукции. Но нужно отдать должное корпорации, по праздникам кто-либо из главного руководства Главка, обязательно присутствовали на собрании, поздравляли и награждали грамотами или премиями работников совхоза, отличившихся на работе. Да и в будни, представители Главка и Треста дружелюбно и не высокомерно относились к совхозникам, охотно разговаривали с ними и интересовались даже их личными проблемами. Свои обещания всегда выполняли. Вся выписка готовой продукции проходила по накладным через бухгалтерию хозяйства и непосредственно через директора, бухгалтера и кладовщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.